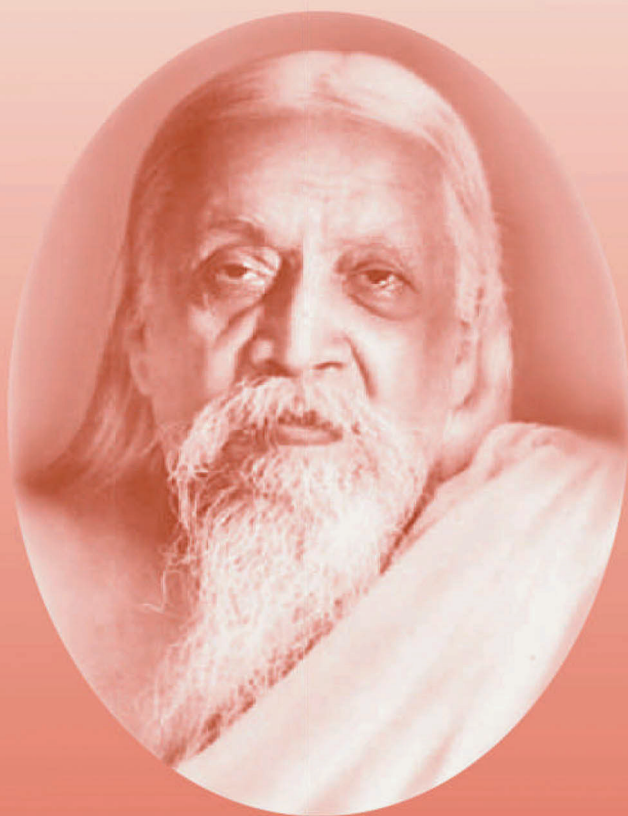

Шри Ауробиндо

Сонеты

Мысли о поэзии

ШРИ АУРОБИНДО

Сонеты

* * *

Мысли о поэзии

Перевод с английского

Издательство «Литан»

Москва

2004

Перевод и составление
О.В.САФРОНОВА

Предлагаемый вашему вниманию сборник составлен, в основном, из сонетов позднего периода творчества Шри Ауробиндо. Изысканную и ясную форму сонета Автор насыщает величественным содержанием своего многогранного, изобилующего контрастами духовного опыта. Удивительны и неповторимы мощь, масштабность и глубина охвата и духовного осмысления отраженной в них Реальности.

В ПРИЛОЖЕНИИ представлены выдержки из некоторых писем Шри Ауробиндо, в которых он раскрывает внутренний смысл духовной поэзии, и, в частности, дает характеристику одному из высочайших уровней, доступных поэтическому вдохновению человека, высочайшему разуму, проявлявшемуся пока лишь в редких случаях словесного творчества. Его величие и масштаб не освоены еще человеком. Однако именно с высоты такого уровня по-новому и полнее можно понять и оценить весь поэтический багаж человечества, яснее увидеть путь к претворению его Непреходящего Света.

© О.Сафронов, 2004.
Перевод, составление, оформление

ВНУТРЕННИЙ МИР

Есть светлый край духовного покоя.
И он не в вихрях мыслей беспредметных,
И не в волненье пенном мира, и не в тщетных
Ума попытках соразмерности и строя;
И в жизни нет его, среди лишений роя,
И в хрупкости сердечных чувств заветных,
И в ощущениях суетных, ничтожных и заметных,
И в брэнной плоти строгого покроя.

Просторнее пределов мироздания,
Наш дух за внешней драмою следит;
Блаженство, сила, свет и мир желанный
Ждут ясности и плена окончанья,
Когда слуга-тюремщик возвестит,
Что пробил час свободы долгожданный.

ЙОГ НА СТРЕМНИНЕ

В кипящей ярости могучего течения,
Презрев реки водоворотный рев,
Стоял колосс, недвижим и суров, –
Бессмертного пророка воплощенье.
И мысль, и плоть его застыли без движенья;
Исчезло время – здесь над ним царила
Лишь чистая неведомая Сила,
Покой безмолвия, дарующий спасенье.

И духу его ведом был простор
Над брэнной твердью, выше небосвода;
Он, жизни быстротечной одолев невзгоды,
Смирэнно выносил творения чудовищный напор,
Опорой был для ритмов, форм Природы –
Остов незыблемый вселенского народа.

БОЖЕСТВЕННЫЙ СЛУХ

Все звуки, все голоса теперь Твоим голосом стали:
Музыка, гром, птичьих трелей свирель,
Гомон жизни, вкушающей радости и печали,
Созвучия речи, слов негромких капель,

Радостно-буйная зыбь океанских просторов,
Аэроплан, тормошащий воздушный покой,
Песня земле стремительных шин и ревущих моторов,
Гул механизмов, сирены назойливый вой,

Вонзающей в хор многозвучий мирских
Зов расстояний и таинство рубежей,
Воспоминанья о солнечных странах и далях морских, –
Все это ноты мелодии дивной Твоей.

Гармонии волны, пьянящие сердце, просты и чисты,
Реальность прекрасна, поскольку есть Ты.

ЭЛЕКТРОН

Миров и форм основа, электрон,
Частицей Бога вник в существование.
Он – искорка извечной Силы, он –
Безбрежности ничтожнейшее зданье.

Его пылающей повозкой правит Шива.
Единый множеством с собою говорит,
И дух единства, воплощенный, нерушимо
В часовнях микромира вечностью горит.

Молекулы и атомы – невидимый ковчег,
Несущий тварей пестрое собрание;
Ему обязаны кристалл и человек,
Способный охватить Единство Мироздания,

Когда искра души его, раздвинув ограждения,
Приимет Бесконечности вневременной крещение.

ВСЕОБЪЕМЛЕМОСТЬ

Весь мир необъятный объемлю душой:
Белфегор и Арктур пламенеют во мне,
С собою встречаюсь во всем, что во вне,
В живой разноликости плоти одной.

Вижу себя отовсюду единственным оком,
Сердце мое бьется в каждой груди,
Горести мира со мной проживают внутри,
Радости мира пронзают пьянящим потоком.

Все проявления его будто пенные волны прибоя,
Но глубина безмятежна во веки веков;
Я – не рожденный, вне времени, выше мерил и оков;
Тенью маячит вещественность в призме покоя.

Непостижимость скрепляет космический строй,
Я ею укрыт, словно жемчуг пучиной морской.

ДУХ СВИДЕТЕЛЬ

Я вижу в спокойствии духа, лишенном движенья,
Как сила Твоя повсеместное действо вершит,
Как мощь ее крыл в бесконечность вдыхает движенье,
Бессмертья Конем перепутьями Времени мчит.

Та же энергия, что из межзвездного стана
Кружит созвездия в неразлучном кольце,
Вьется во мне, словно кольца змеи-великана,
Болью клыкастой в блаженства алмазном венце.

Она восстает из туманных глубин несознания
И, развиваясь сквозь мысли и чувства людей,
В царстве возвышенном сна достигает слиянья
С благодатью и восхищением вечных путей.

Все это я сохраняю в себе, отрешенный,
Волей Твоей запредельною усыновленный.

СТРАННИК В НОЧИ

С Ночью я встречу однажды назначил себе,
В бездне опасной и мрачной мне предстояло свиданье;
Оберегая Божественный свет негасимый во тьме,
Сердцем ее овладеть я отправился тайно.

Дерзко презрев озаренного разума славу,
Мирную радость – души богоравной житье,
Брел я простором туманным в слепую державу
К серому берегу реки несознания ее.

Я продвигался сквозь муть леденящей волной,
Но путешествию тяжкому не было видно конца;
Светлого Бога отрезал порог временной,
Голос прервался небесного Друга-Отца.

И все же я знаю: маршрут, пролагаемый мною,
К Бессмертию будет надежной и верной тропой.

СКРЫТЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Я не поверю никогда, пусть долог Ночи час,
Что это мелкое и признаки породы,
Есть все, что Бог за жизнь изыскивает в нас,
Единственный итог вселенского задания Природы.

Великое Присутствие внутри нее творит,
К грядущему явлению готовясь не спеша,
Божественности дух в животном, в камне скрыт –
Сияющая вечности Душа.

Она расторгнет узы разума тугие,
Взяв сердце мудрое в свидетели себе,
Природу захлестнет: и области слепые,
И те, что пребывают ныне в забвенье, –

Так исполняя замысел таинственный, заветный,
Дух человека, сущий всюду и бессмертный.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Минуя пустоту и мрачнокрылый бред
Пространства бессознательности плотной,
Пришел из бездн бесчувственных ответ –
Волшебной Мощи вихрь огнеметный.

Гигантский сонный Ум в безумном воплощенье –
И план, и действие, лишённое идей, –
Ковал величье звездного горенья,
Живую плоть зверей и мозг людей.

Нужда ль жестокая, Судьбы ль приказа смысл –
Понять Вселенной совокупный строй?
Автоматизма ль танец, магия ли чисел
Сознание создали, крещенное душой?

И был Всесилью мрак надежным кровом,
Личиной Бога и Всезнания клобуком суровым.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Пресытившись ума безумной круговертью,
Я принял духа тихую свободу
И стал вне созданного временем и смертью –
Во имя вечности своей и ей в угоду.

Освободившись от оков личины брэнной –
Невыразим, нетленен и един, –
Я пересек порог своей вселенной;
Я – имени и меры господин.

Недвижен ум в бескрайнем царстве света,
Укрылось сердце в радость и покой,
Не будит в чувствах внешний мир ответа,
Пронзает бездна плоть-пылинку белизной.

Единосущего восторг неколебимый,
Я – не один, но тот, кто есть во всем – Единый.

КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Мир приняла в свои объятия души заботливая сень,
Мой зрящий дух теперь – и Время, и Пространство;
Я – бог и дьявол, эльф и призрачная тень,
Я – скорость ветра, звезд мерцающее братство.

На попечении моем все области Природы,
Я – и борьба, и вечности покой;
Блаженство мира сквозь меня течет, невзгоды
Теперь во множестве своем живут в груди одной.

Со всем, что есть, себя отождествляя,
Я обусловленностью не закабален,
И всей Вселенной зов воспринимая,
Я восхожу в свой изначальный вечный дом.

Пусть я за грани Времени и жизни унесен,
Но с тем, что есть и будет, остаюсь един во всем.

ПЛАМЕНЬ ЗОЛОТОЙ

Ко мне спустился пламень золотой,
Обитель серую ума наполнив светом,
И ум воспринял солнечный покой,
Стал, просветленный, Мудрости рассветом.

Спустился пламень золотой в гортань мою,
И речь озвучилась божественным стихом,
Я одному Тебе победный гимн пою,
Глаголы напитаю Бессмертия вином.

Спустился в сердце пламень золотой,
На жизнь обрушив Вечность бытия;
И сердце храмом встало пред Тобой,
И всеми чувствами ликует для Тебя.

Спустился пламень золотой до самых ног,
И плоть теперь – Твой трон и Твой чертог.

ЦЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

Я жизни отдал сердце целиком
И всех сердец волнение изведаль,
И мне восторг творения знаком,
И я напиток горестей отведал.

Я разделяю гнев в любой груди,
В безбрежии моем валы страстей гуляют.
И я причастен в сонмах душ одной любви.
Я – и затравленная дичь, и скот, что охраняют.

Крылами огненными радости и боли –
О счастье уповают все огни –
Я поднимаюсь в край небесной воли,
Блаженств бессмертных, мощи и любви.

Недвижный мир духовных областей
Опорой служит таинству Страстей.

БЛАЖЕНСТВО ЕДИНЕНИЯ

Природа вступила на солнечный путь совершенства,
Весь мир поместился внутри.
О Пламень свободный! О Сердце любви и блаженства,
Как бьешься ты в смертной груди!

Трепещут восторгом все клетки, все атомы тела,
Ток радости, в нервах искрящийся, неугасим;
Сосуду земному искать ли достойней удела,
Став чашей, наполненной огненным счастьем Твоим.

Я центр Твоего лучезарного мира
И даль необъятных пределов его;
Ты – дух мой святой, Ты – чувств упоительных
лира,
И разум, и воля приемлют Тебя одного.

Безбрежного Духа дыханью внимаю
И жизнью своей Его вечность являю.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ВЛАДЫКИ

Я одного Тебя искал, но встретил страшных
Жестоких Четырех – Правителей незнания,
Патронов лжи, Хозяев судеб наших,
Владык верховных смерти и страдания.

Откуда эти монстры-великаны,
Какой Безбрежности слепой безумные усилия –
Певцы бездушные великого обмана,
Властители вселенского насилия?

Ужель Ты сам надел четыре маски,
Вневременность во Время облачив,
Свой Дух вручив космической развязке,
В великом лицедействе распознать себя решив?

Перед Тобой ничто их мощная осада,
О Свет, О Радость негасимая, О мирная Отрада!

ФОРМА*

О чтящий Бесконечное вне формы,
Не презирай ее, она Его обитель
И ограниченный безбрежия хранитель,
Его души, блаженной и задорной.
Суть таинства Его во тьме ее безмолвной;
Она Его неискушенный зритель
И вечности предел; и сам бессмертный Житель
Определил себя в затвор ее укромный.

Есть дивная Краса в глубинах Бога
И Чудо из чудес, которое вершит
Строительство вселенского чертога.
Во славе множества Единственный велит,
Взрываясь, словно роза, формою и цветом,
Раскрыться лепесткам миров ответом.

* см. Пояснения и дополнения переводчика

БЕСКОНЕЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

По безымянной Бесконечности скользит
Мой челн. Я берег свой покинул. За кормой
Растаял край людей. Я вижу пред собой,
Как в бездне неизведанной одна звезда горит,
Рукой незримою ведомый. Ночь теснит,
В расщелье черное зажав, простор морской –
То ли Скитальца мертвого незыблемый покой,
То ль несознание, где Голод-зверь царит.

Вокруг меня Могущество немереных глубин –
Его я жаждал совершенства, –
И высь неведомого скрытого чертога.
И буду я с Единым и Неявленным един,
Ожив в мгновенной вспышке Бога,
Как чудо Откровенья, как Его блаженство.

ВЕЛИКИЙ ЗАМЫСЕЛ

Из жизни больше не творю себе кумира,
Из прелести ее, контрастов, горя и веселья.
Померкли форма, колорит и сласть мгновенья –
Чудесно согласована их лира.
Немы уста в тиши духовного эфира;
И Голоса Единого мне явственно реченье:
Ищу Я совершенного свершенья –
В безмолвье Вечности рождаемого мира.

Душа лишь об одном мечтает скромно,
Чужды ей пышности поверхностной узоры,
Поскольку жизнь и разум, слава их и ссоры
Для безграничной темы – временный итог,
Условный образ в замысле огромном,
Поэзии Всевышнего пролог.

ВСЕЛЕНСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Есть мудрость, словно солнечный венец;
В благих глубинах сердца – белое сиянье;
В едином сердце – мир для всех сердец;
Безмолвие – в высотах ликования;

Покой, Судьбу-ребенка стерегущий;
Сочувствие, стремящееся боль земли нести;
Свидетель, в тайнах наших сущий, –
Господь, себя явивший во плоти.

Мы этот Луч разумностью скрываем;
А силой искажаем мощь Бессмертия;
И в радостях о Вечности мечтаем,
Но ловим только блеск Великолепия.

И только в сердце тайно светит Слово
С чертами пламенными Имени Святого.

БОЖЕСТВО

Поодаль встав от пляшущей Угрозы
На шумной мостовой, причудливой как сон,
Я ощутил, отбросив жизни грезы,
Что я в Его телесность погружен.

Глава могучая вздымалась надо мною,
Нетленным миром лик Его дышал,
И всемогущий взор всю сцену пред собою
Верховной властью своей оберегал.

В кудрях Его смешались солнце с ветром,
Он, в сердце сущее вменив, явился мной:
Я стал теперь недвижим и бессмертным,
Единой силою материи живой.

Пропал момент, а вместе с ним и свет,
Но в памяти остался вечный след.

КАМЕННАЯ БОГИНЯ

Я видел в городе богов в святилище одном
Живой Богини рукотворный образ; вечность
Царила над божественным челом,
А камень наполняла бесконечность.

В могуществе великом Матерь Мира –
Безмолвная, всеильная, непостижимая поныне –
Жила среди Земли уснувшей, ее лира
Молчала: в выси, в глубине, в пустыне.

В покровах разума ей предстояло ждать –
Непостижимой, и всеильной, и безмолвной –
Пока душа сподвигнется понять
Загадку ее жизни воплощенной –

Единой в преданном и в форме неподвижной,
Укрытой красотою, камнем, службой пышной.

КРИШНА

Теперь я понимаю, для чего
Душа в наш страшный и прекрасный мир рождается,
Поскольку знаю, как из плена своего
Земля к Твоим стопам, о Кришна мой, стремится.

Я созерцал очей бессмертных совершенство,
Был очарован звуком флейты нежной,
Вкушал нектара животворного блаженство,
И навсегда порвал со скорбью безнадежной.

Томится жизнь счастливым ожиданьем;
А музыка все ближе, все сильней...
Природа внемлет, затаив дыханье –
Господь придет и будет вместе с ней.

Прошли века, и вот оно мгновение –
Вселенской полноты осуществленье.

КОСМИЧЕСКИЙ ТАНЕЦ

Танец Кришны, танец Кали

Две меры есть космического танца.
Повсюду слышим мы походку Кали властной,
Отмеренную ритмами печалей, боли, шанса
В игре опасной жизни, сладкой и ужасной.

Судьи незримого суровый приговор;
В объятьях Смерти пламенная суть;
На мрачном поприще с Судьбой жестокий спор;
На Милость отданный твой одинокий путь;

Ключ к Таинствам в ларце людской печали;
Навстречу Истине, ломая забвенье;
Семь врат души: от праха к светлой дали –
Вот темы вечные трагедии Ее.

А если танец Кришны сквозь Природы строй...
И лик Его – счастливый, радостный, задорный и
живой?

ШИВА

В высотах снежных вечности тягучей,
В ограде огненного мира, благ и тих,
Дух одинокий бесконечностей пустых
Хранит экстаза пламень жгучий.
Но, ощутив творения восторг кипучий,
Он видит, бездны прозревая, между них,
В пространствах несознания немых,
Покой блаженства Матери Могучей.

Она к Нему встает от сна тягучей власти;
И вместе с ней вселенная кружит,
Ее биенью сердца вторя в танце страсти.
Вскипает жизнь, родится ум; свой лик
К Нему – к Себе самой – Она стремится,
Дабы в объятья Духа Дух проник.

СЛОВО БЕЗМОЛВИЯ

Отныне мой разум стал тихим, безличным, пустым,
Как мир обозримый, прекрасный и ясный,
Как сила безмолвия, скрепленная Богом самим,
Величием чистым, без мысли и воли пристрастной.

Прежде страницы его заполнялись Незнанием,
Призрачной вязью догадок случайных ума,
Тусклым свеченьем – неясного смысла мельканьем,
Пищей души в круговерти природного сна.

Ныне мне явлено вещее Слово,
Данное тихой невидимой мощью Луча:
Голос, к которому только Безмолвия ухо готово,
Весть, озаренная славой бессмертного Дня.

Так от надежного мира и широты откровенья –
К радости буйной в бескрайнем просторе свершенья.

ДВОЙСТВЕННАЯ СУТЬ

Мое единство две слагают части:
Внутри – Божественность, Природа извне
Играет с существом, ее покорным власти, –
Разумным карликом, героем смертной жизни.

Дитя Бессмертия, Божественность живая
Блещет разумом, свободу сердцем чтит,
Ширь океана, мир небес являя,
Всевышней волей власть свою вершит.

«Я» малое свой опыт обретает,
Признав ошибок и страстей уклад.
Стремясь к познанию, Величье допускает
И эти правила, и этот маскарад.

Всеведение с Невежеством играет
И хаос жизни в танец превращает.

МОЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Я Время превзошел, я – тот, кем прежде был;
Дарован чувствам и мышлению покой:
Умом рожденный мир легко вступил
В величественный мир, объятый пустотой.

В ладонях вечности безмолвно жизнь течет;
В бессмертном взоре – чаша бытия.
Покровы сорваны, и чистый дух встает;
Во всем и всюду нахожу себя.

Предстало сердце бесконечностью живою,
А плоть – пылинкою с безбрежною душой.
Вся бездна сущего очнулась подо мною,
Дотоле скрытая Невежества скалой.

В простой и безграничной пустоте
Я простираюсь в вечное везде.

ИГРА

В нас обитает Дух солнечноокий,
Мыслитель вечности, спокойный мудрый гений,
Певец единства, многоликий и глубокий,
Сказитель и пророк вселенских откровений.

Свидетель трезвый, странствуя по свету,
В прекрасный образ части собирает;
Судьбою движимый, он ставит на победу,
На горе, радость, смерть – на них и в них играет.

Гость кабака Природы, звездный повелитель
И раб любви, и царь, достойный власти,
Миров духовных величавый зритель,
В божественной игре лихой заложник страсти –

Тот, кто, шутя, родил рассветы и моря
И нас – забавную фантазию себя.

ПРЕДАННОСТЬ

О Высочайший, я посредник твой,
О тайный Дух и наше Естество,
Да осознаю я всей сущностью земной
Твоей спокойной славы торжество.

Тебе я преподнес свой ум пылливый,
И волю всю свою Тебе отдал,
Да будет наш союз невыразимый
Освобождением от личностных начал.

И мир любви Твоей настроит ритмы сердца,
Тебе служа, послужит плоть земле,
По жилам брызнет радости живительное
скерцо,
И светом царственной свободы вспыхнет мысль
во мгле.

И пусть душа одним Тобой живет,
Тебя во всякой форме узнает.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ТРУЖЕНИК

Моя душа приемлет мир невозмутимо;
Во всех земных делах, взыскуя жребий свой,
Ты предо мною шествуешь незримо,
Жизнь побеждая формулой простой.

Не омрачить опасностям духовного покоя:
Ты – мой Творец; неверных действий струны
Ослабишь Ты бессмертною рукою;
Победа – путь Твой в зеркале Фортуны!

Я в битве с Роком полон сил, пока
Твоя улыбка сердце озаряет
И Мощь Твоя, презрев все ноши и срока,
Великий замысел во мне осуществляет.

Ты бережно хранишь души моей чертог,
Твое присутствие – бессмертия залог.

ГОСТЬ

Я распознал бессмертный Дух в себе:
За ширмой разума, в покое безграничном
Актер божественный играет жизнь вовне –
Взор Вечности над зрелищем публичным.

Над ним не властны скорби сердца, муки тела,
Здесь мир безмолвствует и чистота царит.
Угрозы, буйствуя, терзают плоть умело,
Но Дух над предначертанным парит.

Свидетель бдительный и Бога луч незримый,
В нетленном веществе души пылает
Гость всемогущий и непостижимый.
Все ближе Смерть, Судьба оброк взимает...

Он слышит, как трещит Природная обитель,
Но он лучист и тих – величественный зритель.

ВНУТРЕННИЙ ПОВЕЛИТЕЛЬ

Божественная Явь все более во мне
Высоким кодексом природу укрепляет,
Покинул ум темницу мозга и в огне
Безбрежном Духа данность обретает.

Покой величественный ждет внутри меня,
Когда осилит жизнь Твои заветы, –
Подобье крыл могучего коня
Богов небесных, вознесенных к свету.

Уже сияют чувства золотом блаженства,
Экстаз во всех движениях кипит,
Пронзая тупость плоти совершенством:
Призыву света тьма благоволит.

И быть, Тебе под стать, моей природе косной
Бессмертной, безграничной, и победоносной.

ТВОРЕНИЕ*

Имея вечность для забав своих,
О скульптор воплощенной круговерти,
О сценарист рождений, жизни, смерти
И весельчак-артист подмостков мировых,

Создавший чудо развивающихся сфер,
Природу движущий внимательный ученый,
Движеньем безупречным увлеченный,
О вычислитель степеней и мер,

В твоих ли нормах видит мир исток,
Мгновений мастер, мощности творец,
О многоликий благости Отец,
И таинств многочисленных знаток?

Сложен ли он нуждою и судьбой
В тенетах Времени или Твоей игрой?

МЕЧТА СВЕРХНАУКИ

Кому-то мнилось, что подвыпившая гланда
Кропает Гамлета, к бессмертию стремится,
Что на Эгейском берегу команда
Гормонов вдруг в Гомера превратится.

Что щитовидка в виде обнаженном,
Под древо Бодхи сев, узрела вечный свет
И выдала сознанием просветленным
Свободу обещающий завет.

Мозг, движимый желудочным расстройством,
Европу тряс – властитель и банкрот –
Меж небом и святой Еленой и сверхсвойством
Сверхмир сооружал, пока ученый крот

Копал под атомы и медленно Вселенную гасил.
Но: «Пробил час!» – Всевышний возгласил.

В БИТВЕ

Не раз среди веков уединенья,
На жизненном пути в безбрежье бытия
Мне доводилось смерть принять и поражение,
Когда был в этом смысл для Тебя.

Назначил Ты всей мощи Несознания
Противоборствовать сиянию души,
И Ночь взимает подать с мироздания
В посмертной обездвиженной тиши.

Повсюду ощущаю гнет Титанов:
Земным властителям эпохи платят дань.
Я весь изранен в битве великанов.
Настал ли час Тебе окончить эту брань?

Твоя да будет воля! Пусть всегда,
Тобой одним, Отец, свершается судьба!

НИЧТОЖНОЕ ЭГО

Рожденный Матерью Вселенной, эго-клоун,
Меняла мелочный Природного начала,
Претенциозен, честностью не скован, –
Бегущий от расплаты приживала.

Он оплетает сетью бытие,
Внедряется во всякое движенье;
Пока мы славим бескорыстие свое,
Он нашей грубостью владеет безраздельно.

Но есть свободный путь: и сердцем, и душой
Тебе, умом и телом, каждой клеткой сдаться
И, в бесконечном та'я, ясный светоч Твой
На эго обратить и с низменным расстаться.

Тогда Природе нашей быть, себя смилив,
Дыханьем Духа вечных перспектив.

ЧУДО РОЖДЕНИЯ

Я видел душу, странника Вселенной, –
Из жизни в жизнь текла ее дорога,
И тьмой глубин, и высотой нетленной
Ничтожество преображалось в Бога.

Она искрой Огня живого проявилась
В Материи – создать Неявному обитель.
Безумство Ночи к свету приобщилося,
В зародыше вещей проснулся Новый Житель,

И Мысль блистательную форму начертала,
Как сон земли движеньем оживить,
Снабдив сомнамбулу природного начала
Разумным существом, надеяться способным и любить.

И вновь, и вновь творится чудо не спеша –
Меж грязи и камней рождается Бессмертия душа.

МГНОВЕНИЯ

Когда бы самые высокие мгновенья,
Моменты истины, величия, причастья,
Одни остались, не было б несчастья.
Они – душевных крыл горящее стремленье.
Природа шьет им Тьмы немое облаченье,
Но смертью призрачной и мелочной напастью
Не в силах обуздать; и высшей властью
На миг они – цари лучистые творенья.

Души порывы взлетом дивным
Готовят духа постоянство.
Теперь мое раскрепощенное пространство –
Мир Бога, мимолетности итог.
Все сходится в надвременье едином;
Мгновенья ткут великий вечный Срок.

БЛАЖЕНСТВО БРАХМАНА

Я погружаюсь в блаженства покой белопенный,
Я завитая волна наслаждения Бога,
Света, горящего счастьем, прямая дорога,
Райских потоков круговорот неизменный.
Я чаша Его упоений,
Мощи Его золотого экстаза раскат громовой,
Высей творения огонь восторга живой,
Дивная бездна Его откровений.

Господа слава меня опьяняет,
Я красотой нерожденной пленен,
Вечности лик созерцаю, не зная преград,
Сердце мне радость Его разрывает,
Ум светоносным мечом рассечен,
Жизнь моя – пламенной Милости звездный каскад.

ЗАГАДКА ЧЕЛОВЕКА

Душа загадочна, – ее ли нам понять?
Сознательная жизнь слепой ведома властью,
И в скорби должен человек учиться счастьем,
И в сердце хаос чтить, и к свету воспарять,
И с мудростью невежество сплестать;
Бескрайности быть узколобой частью,
Сквозь грязь брести к Великому Причастью,
Служить материи и дух осуществлять.

Живая плоть его – распахнутая дверь
Для многих сил, их прав и предпочтений;
Средь них – незрелый ум, глупец и добрый гений,
Впотьмах бредущий к свету исполин,
И демон злой, и полубог, и зверь,
И раб своей судьбы, и властелин.

ТЕЛО

Когда-то тело было мне вселенной,
Теперь же – только часть, влекомая душой,
И Дух несет его тропею дерзновенной,
К великой цели, как кошель пустой.

Каким оно ничтожным представлялось
Потребности, искавшей бесконечность,
Но дух хранит его загадочную малость,
Как свой залог, как тайный пропуск в вечность.

И время, и пространство перед ним
Ткут панораму солнечных событий;
Пылает в сердце радость, разум-пилигрим
Живет в преддверье значимых открытий.

Как он растет, идя вселенскою дорогой,
Сей обитатель скромный хижины убогой!

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Душа и ум растут, перешагнув Пространство,
В безбрежье радости открытой гаснет Время,
Плоть блекнет, контуров теряя постоянство, –
Уединенья духа памятное бремя.

Вселенная – как странная условность
Во славе белизны бездонной,
Восторга необъятного подробность –
Бессмертный танец красоты разоблаченной.

В счастливом трепете гигантской пустоты
Мысль в свете, страсть в блаженстве тают
И, неподвижностью кристальною чисты,
Покой Извечного, как заповедь, являют.

Святою властью жизнь теперь стоит;
Природа гаснет, только дух царит.

СВЕТ

Свет, безграничный Свет! Тьма неуместна боле;
Слепые бездны жизни проступают –
Глубины несознания, безвестные дотолы,
Во мгле немереной надеждой оживают.

Свет, вечный Свет, особый, неизменный!
Мистический проход, неведомый, святой,
Свет сердца Безграничности нетленной
Пылает в сердце радостью живой.

Свет, счастьем струящийся по жилам!
Все клетки восхищением кипят
И в пламене экстаза молчаливом
Присутствие Извечного хранят.

Связав глубины с высью Света вечной,
Я навсегда в простор вступаю бесконечный.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ НЕЗРИМОГО

К вершинам тихим непрерывен взлет,
К непостижимому: Ты – всюду бесконечность,
Ты – радость высшая, которой дух мой ждет,
Могущество, Присутствие и Вечность.

Но бессознательность безумного Провала
Хранит в себе Безбрежности волнение.
Глухая ночь Твой транс благой объяла
И неизведанное Света изумление.

В Твоем луче, слепящем взор прикрытый,
Лишь отблеск Целого мы можем распознать;
Но взор Бессмертия, могучий и открытый,
Готов живое Солнце воспринять.

Стоит внутри душа бессмертным «я»,
Как друг Незримого, как сила и дитя.

ОТКРЫТИЕ СЕБЯ

Он рек: «Я – дух свободный и не эгоист»,
А после злился, что обед задержан.
Я удивился, но услышал: «Я-то чист,
Но бог желудка голодом рассержен».

Я удивился, но услышал: «Здесь его игра.
Я недвижим внутри, лишен желаний, совершенен.
Меня не трогает событий мошкара».
Я вопрошал: «А так ли ты уверен?»

В ответ: «Могу твои сомненья понять.
Свободен будь, пусть даже глупо
Ругаться начал, яростно кричать,
Устроив сцену из-за миски супа.

Свобода в том, чтобы себя открыть
И, осознав себя, в себе свободным быть».

ДУХ ВСЕЛЕННОЙ

Я – Дух, которым дышит вся Природа,
Неизмеримый, неподвижный Зритель:
Нависшее безмолвье небосвода,
Вращения сил космических Хранитель.

Я сокрушил ума земного нормы;
Я более не статуя себя.
Во мне галактик огненные формы,
Мой дом – Вселенная, ее безбрежность вся.

Во мне и материк, и малое селенье;
Я – боль земли и счастья пожар,
Делю со всеми горе и веселье,
Приемля каждый поцелуй, любой удар.

Бесстрастно выношу любую мысль, движение,
настрой
Во времени, пронзающем мой благостный покой.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ «Я»

Вся важность человеческого «я» –
Природой сотканная кукла, и не боле,
Она бездарна и слаба, ее стезя –
Всегда безропотно внимать капризной воле.

В мышленье нашем – прыткий ум Природы,
На чувствах наших – чувств ее покров,
В ней наша мощь, и нашей славы своды
Расцвечены ее мозаикой цветов.

Но есть в нас Тот, кто части механизма
Ее движений в таинство слагает,
В сверканье множества Его покоя призма
Лучами малыми безбрежность отражает.

Могучее единое космическое «Я»
Приемлет и такой ничтожный образ бытия.

ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ

Он и во мне, и вне, как ни смотри.
И я, укрытый цитаделью эго
От прав Его, стараюсь изнутри
Достичь Бескрайности неведомого берега.

Я вижу, что предметы – лишь фасад,
Сквозь них за мной Безбрежность наблюдает.
Бессилен тела душащий наряд:
Огонь незримо в клетках полыхает.

Он ныне плоть моя, мое дыханье;
Он – боль моя и счастье мое.
Рождение – вечности Его предначертанье.
Смерть – переход к бессмертию Его.

В моих безмолвных безднах скрыт Его чертог;
В пределах сердца – заповедный Бог.

ФУНДАМЕНТ НЕСОЗНАНИЯ

Душа распознает основу подсознания,
И образы давно минувших дней,
Наследственные штампы, мертвые преданья,
Шаблоны старые рассыпались пред ней.

Она читает сквозь потоки света
Глухого Несознания письма –
Застывший в множестве унылого ответа
Дрейф мира косного в слепые времена.

Весь мрак, сгорая, корчится от боли;
Там – погребенные Невежества воззвания,
Здесь – указания его железной воли,
Нужды и Произвола начертанья.

И вот фундамент мощный чист и обнажен,
И Безграничный в нем отображен.

АДВАЙТА

Я шел тропею к трону Соломона
И скромный храм Шанкары повстречал;
За гранью Времени, романтики трезвона
Я в одиночестве Безбрежность созерцал.

Повсюду пустоты единое паренье:
Неназванное дивное Одно,
Реальность голая, без формы и рожденья,
Невозмущенная. Вершина или дно?

Безмолвие всю Сущность выражало,
Как тайное начало и итог,
Всю суетность вещей уничтожало,
Как несказанной высоты чертог –

Покой укромный, Мир свободный, неизменный,
Рубеж Природных таинств дерзновенный.

ХРАМ НА ВЕРШИНЕ

Я долго в гору шел и, кончив восхождение,
Над ослепительной вершиной увидал
Богиню неподвижную сквозь каменный портал
Ее спокойного уединенья.
О мудрая рука, воздвигшая творенье
Над миром, выше сроков и начал –
Души вселенской тихий пьедестал,
Разверзшейся в безбрежности паренья.

Но тело лишь Простертости виток,
За человечностью скрываться принужденной.
Наш тайный Дух способен в бесконечность
Вписать свою страницу; вечность
И в нашем облике, и в форме сотворенной
Живет как выразительный итог.

ПРЕКРАСНОСУЩИЙ ТЫ И ВСЕБЛАГОЙ

Прекрасносущий Ты и Всеблагой,
И о Тебе душа моя тоскует,
Приемля всюду тайный образ Твой,
Блаженной ноши трепетно взыскует.

Во всех глазах встречаю Твой незримый взгляд,
Во всех устах – Твой голос несравненный,
И каждый путь Природы сердцу свят,
И благодатен плен самозабвенный.

Возлюбленный во всех земных телах,
Тебя возносит каждый лист и камень,
И мчат мгновения на огненных крылах,
Ты – мастерства неугасимый пламень.

Ход времени с Тобой нерасторжим,
И мы с надеждою в грядущее глядим.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЗОР

Бессмертен мир, в Твоем блаженстве зримый,
И в восхищении душа вокруг глядит;
Покровы сорваны, и образ нерушимый
Пред ней Твоим присутствием горит.

В экстазе обретенного прозренья
В любом естественном предмете виден Ты,
Он – сути Твоей славной проявленье,
Поэзия из сердца Красоты,

Искусный труд обводов и окраски,
Могучей сладости безудержный размах,
Величье контуров величественной сказки,
Проявленной в банальнейших вещах.

Все формы лишь Твоя мечта о счастье,
О Абсолюте, О Бесконечности участие!

БОЖЕСТВЕННОЕ ЧУВСТВО

Я интерес к земной еде утратил,
Плодов отведав райского чертога!
Теперь Ты чувствам новый смысл назначил –
От удовольствий бранных к удивлениям Бога.

И слух, и зрение даруют только радость,
А ароматы всей земли раскрыли
Передо мной неведомую сладость,
С благоуханьем розы состязаясь в силе.

Я чувствую, что все меня волнует
И длится, бесконечностью горя,
Твоим касанием; и Твой восторг бушует,
Вливаясь счастьем в мгновенья бытия.

Пылает плоть Твоим священным пламенем
блаженства,
Святым, бессмертным, чистым, полным
совершенства.

БЕССМЕРТИЕ

Я в упоенье от божественной свободы,
Дающей высшую, невидимую власть:
Безбрежной вольности безудержная часть
В земном обличье, терпящем невзгоды.
И в миг, дарующий таинственные восходы,
Вселенских козней схлынула напасть;
Ни времени, ни смерти не украсть
В бессмертье погружившейся природы.

Господь расторг контракт, Невежеством скрепленный;
И время ныне отмеряет вечность,
И бесконечное живой души пространство
За обликом ее рисует нерожденный
Лучистый образ, и святая безупречность
Растет под маской бренного убранства.

ЧЕЛОВЕК – ТИРАН ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Я величавее величья океанов,
Я смерч безудержной энергии Творца:
Цветок беспомощный пред мощью ураганов,
Соломинка меж пальцев молодца.

И мудрость совершенная живет
Во мне среди невежества, незнания;
Меня и пламя добродетели зовет,
И сладкий грех безумного желанья.

Мой ум сияет полною луной,
Но тьма его – пещера дикаря.
Я свод контрастов; собранное мной
Богатство тает полностью и зря.

Я жизнью вновь над смертным сном возник;
Я высших истин скоротечный миг.

ЭВОЛЮЦИЯ

В обитель света и покоя я сумел войти
И словно в чистом зеркале увидел отраженье:
Неспешной древней Силы восхождение,
Спираль эонов вечного пути;
И колыбель Земли, где Богу уготовано взрасти;
И человека, знак грядущего свершенья –
Божественности скрытой устремленье
И полусвет и полутень его в свет Духа возвести

От сна материи и тягот жизни смертной...
Свободный ум скользил в безбрежном море Света,
Ход жизни был далек от искаженья;
Я видел зарево Материи над ночью беспредметной.
Душа стяжала в бесконечности рассвета
Блаженство Бога вне пределов воплощенья.

СВЕТЛЫЙ ГЛАС

Есть божество не явленных явлений.
Что ему Времени успехи? Прах могил.
От брэнной суеты в мир высших восхищений
Зовут и близкий глас его, и шелест светлых крыл.

И все, что око зрит, чем слух всегда гордится,
Лишь слабый отблеск звучности иной,
Прозренья полного; и может ли сравниться
Веселость звуков, слов, страстей души земной

С блаженствами божественного края.
И только Разуму великих откровений
Слышна его гармоний музыка живая –
Надежда и судьба грядущих поколений.

Как грязь, дождями вспаханная, розу ожидает,
Земля о чуде восхитительном мечтает.

ВНУТРЕННИЕ ПРОСТОРЫ

Есть небеса, namного голубей
Тех, что нас куполом венчают,
Покровы, царственнее тех, что восхищают
Росистым жемчугом на зелени ветвей.
Нас ждет бессмертие лазоревых полей
И области, которые не знают
Земли пожухло-бурой, там не умолкают
Ручьи под россыпью цветов, что всех белей

Текущих звезд реки небесной.
Тот мир крепит материя иная,
Не та, в которой этот мир возник.
И там мы можем меж богов нектар чудесный
Вкушать из чаши Гебы, обретая
Божественное тело и бессмертный лик.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Дыханье ловит новый ритм движенья,
Святая сила входит в плоть мою:
Я как вино гигантов Бесконечность пью.
Где драма времени и грез самозабвенье?
В горящих клетках радости кипенье,
Искрятся нервы, дрожь забыв свою,
Прозрачностью служа Небесному Царю
И Неизведанного восприняв вторженье.

Уже не властно надо мною тело,
Природы гнет отвергнут до конца,
Хитросплетенья чувств распутаны умело.
Душа предстала образом безмерным,
Плоть – благостным орудием Творца,
А дух – сиянием, бескрайним и нетленным.

НИРВАНА

Исчезло все – царит безмолвное Одно.
И ум безмысленный, и сердце без печали
Себя в ничто великое вписали;
Природа, «я», незнание-знание, – все упразднено.
Маячит город призрачный, и как в кино
Живые формы по экрану распластали
Свои объемы; плотный мир вначале
Теперь среди лагун безбрежных рифом лег на дно.

Осталась безграничность Постоянства.
Все смысла ровность царствия Покоя,
И то, что прежде было мной, предстало в Нем
Немой необозримой пустотой Пространства,
Согласного принять Неведомого действие благое
Иль возжигаться Бесконечности огнем.

ИНЫЕ ЗЕМЛИ

Цветисто множество морей и гор,
В зеленой пустоши ручьев сверканье,
Мерцанье звезд, небес напевный хор,
Симфоний чудодейственных звучанье,

Во тьме гнетущей танец светляков,
Луна белесой полночью в сиянье чистом,
Назойливый багрянец огненных цветков
И яркий всполох крыл в эфире золотистом,

Чудные формы птиц, зверей, как горсть воспоминаний,
Крадущих тишину лесов неведомой страны,
Покой богов, величье их основ и дивных знаний,
Прекрасных бесконечностей дары –

Так над объятым радостью сияющим простором
Встают миры пред просветленным взором.

КОНТРАСТЫ

Какие здесь контрасты! Грезы Смерти,
С названием Вещество, пятнает жизнь простая;
Во имя мощности бессилие терзая,
Растет рассудочность из жесткой круговерти

И безрассудной битвы электрических частиц.
Уродливую смерть бессмертие вдыхает,
А знания как ножнами сжимает
Безмолвное незнание Вещества. Его ль границ

Проявится простор иль власть сомнамбулизма
В законах атомарного движенья,
Чей ход неслышный – форма выраженья
Всезнанья и слепого лунатизма.

Контрасты мира – лишь одежды Одного,
Единосущих обликов Его.

РАЗУМНОЕ ЖИВОТНОЕ – ЧЕЛОВЕК

Меж дум неспешных галактического века
И огнеметного вселенского круженья
Земля, былинка из безлюдного творенья,
Как невзначай, явила миру человека.

Несведущей природы суть его слепая
Смешалась с разума светильником коптящим,
С дыханьем, смерти противостоящим
Свой скорбный краткий век. Но цель пред ним иная

Была – открыть божественность внутри,
Во тьме неведенья – сознание и простор
И, превзойдя незримых сил жестокий приговор,
Зажечься высшим светом собственной Зари...

И вот от грубой глины к Богу возрастая,
Бредет он медленно в день Истинного Рая.

ЧЕЛОВЕК – ПОСРЕДНИК*

Немая Бессознательность, бескрайняя, тугая,
Из лабиринта жизни выхода искала;
И, с Бездной высочайший Свет сближая,
Сознание человека маяком в ночи светилося.

Под призмой его умственного взора громоздилась
Мозаикой пестреющей вселенная живая,
Но тщетно геодезия рассудка размечала
Неизмеримые пути, искусственность внедряя.

Во Тьме непознанной, родительнице мира,
Сияет та же Сила, что и в сферах Торжества;
Погасит ночь Ее рассветная порфира
И превратит мерцающий маяк в светило божества.

Природа в небеса растет, хоть грязь корней убога,
Душа – цветок нераспустившийся пылающего Бога.

БЕСКОНЕЧНО МАЛАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Мы родом из Безмерности безмолвной!
Мир легковесный множества вселенных
Был для нее игрой простою и неполной,
Искрой случайной на просторах безразмерных.

Меж них она души не находила,
И, втиснувшись в ничтожную соринку,
Из ила и из грязи пробудила
Земную форму грубую, забавную былинку –

Частицу протоплазмы на одном из тел
Системы неприметной гаснущего солнца:
Миг жизни краткой – плотного обличия удел,
Ум, постигающий ширь космоса из тесного оконца.

И так она распознавала «Я» свое,
Бессмертное – вне времени, пространства – Бытие.

ЭВОЛЮЦИЯ

Еще не выполнен невидимый завет!
Ждет Высший Разум нашего решения;
Таинственных гармоний ясный свет
Не вспыхнул жизнью нового творенья.

Но в плоти каменной земного естества,
В наивном трепете растительной основы
Возникла мысль о царстве божества,
Преображающего смертные оковы.

И мощь, неведомая сыновьям земли,
Из вечности родившееся знание,
Блаженство, не от мира боли и борьбы,
Грядущего явили очертанья.

О к разуму Вознесший камня существо,
Перед Тобой свершений новых торжество!

ЕДИНОЕ «Я»

Творит, нам вопреки, Единой Силы власть,
Но, действуя, мы знаем лишь себя;
В любви и ненависти собственная страсть
Довлечет над картиной бытия.

В многообразье тем всегда Один живой:
Здесь Кришны флейта над лесной куртиной,
Там Шива пепельный с косматой головой,
Но Шива, Кришна – это Бог Единый.

В нас Кришна ищет радости, любви,
В нас Шива борется со злом усилием воли.
Единственное «Я» несет печаль земли,
Кричит от боли, просит лучшей доли.

Противник яростный – всего лишь мой двойник,
Я на врага смотрю и вижу Кришны лик.

ЗОВ НЕВОЗМОЖНОГО *

К несбыточным вещам нас Божество стремится.
И мир дремотных заметей судьбы
Их невозможность светлую таит,
Укутанный крылами тишины.

Но, дрогнув, подались лазоревые створы;
Во взоре грезящем горит волна чудес:
Богов величье и благих судеб узоры,
И близкие посланники Небес.

Высокий свет в затмение нашем ждет,
Когда блаженство чистое воспримем мы по праву;
Когда любовь, очистив души, призовет
Принять в наследство вечности державу.

За невозможным предначертанное скрыто,
И дверь от смертного к бессмертию открыта.

ОТКРЫТИЯ НАУКИ*

Я видел электрический, несущий мир поток,
Взвихрявший пыль искрящуюся Света,
Огонь, перед которым и светило, и Туманности виток –
Лишь отблеск пламени, рассеянного где-то.

Незримый Свет скрывал работу Сил иных,
Сам Дух движений, без начала и конца,
Пульсирующий ритм отрезков временных,
Эфир неосязаемый Единого Творца.

Находки внешние – лишь тени, отраженья
Природы, откупающей права
Хранить неведомого скрытые явленья
От грубости практичного ума.

И прах, и тлен все наши достижения –
Следы Энергии извечного стремленья.

ПУТИ ДУХА*

Как восходящая Природа цели достигает?
Не разум человека неуклюжий, плоский,
Не образ, выстроенный им, сухой и жесткий, –
Души провиденье ей в этом помогает.

Однообразный и поверхностный язык,
Алгебраизм ума и схематичность чувства,
И внешним управлять дар ловкого искусства –
Вот достижения, к которым интеллект привык.

Но Дух сулит пути иные нам:
Способность ощущать весь мир в себе,
Мышленьем безграничным проникать везде,
Касаньем озарять, подобно божествам,

Достать спокойным сердцем до всего
И волю величавую творить Его.

НАУКА И НЕПОСТИЖИМОЕ*

Наука выводов выносит приговор,
Члена бесстрастно формулой живое, –
Бездушный разум, действие стальное,
Прикованный к рельефам внешним взор,

Не видящий основы, неглубокий.
Смысл явленного в символах незримого сокрыт,
И истину значений их хранит
Неведомого мир таинственно-далекий.

Не форма значима; объект слагают
Движенья многих сил; лишь их следы
Мы различаем, скрытые ж черты
Над разумом в безбрежности сознания исчезают.

Но разум видит пред собой лишь темень бездн
непроходимых,
Безмолвных, бесконечных, неподвижных и
непостижимых.

Я ВОЗРОЖДЕН*

Я возрожден Твоим присутствием и светом,
Седа вечность сделала меня
Простором безмятежного огня,
Глубинной радости пылающим рассветом.
Став истой Мощности исполненным обетом,
Священным флагом Твоего внимания горя,
Во славе Имени святого жизнь моя
В Безбрежность тихую вошла живым ответом.

Плоть форму обрела, лучащую покой,
В безвременье струится дней поток,
Мой разум – Твоего беззвучного дыхания строй,
Безмолвья лира и сияющий прибой;
Вкушаю каждой клеткой пламенный исток,
Семи блаженств горн раскаленный Твой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В чем же по вашему состоит «философия» стиха? Вы конечно можете пытаться излагать метафизические доводы в стихотворной форме, подобно греку Эмпедоклу или римлянину Лукрецию, но это рискованное занятие и, скорее всего, оно приведет вас к прозаической поэзии, которая, в отличие от поэтической прозы, будет менее простительной смесью. Даже философствуя не столь рискованно, необходимо быть весьма осторожным, чтобы не оказаться плоским или тяжеловесным. Ясно, что легче быть поэтичным, воспевая жаворонка, нежели пытаться заключить в стихотворную форму качества Брахмана. Но это еще не означает, что в поэзии вообще не должно быть никакой мысли, или духовной мысли, или выражения истины; нет такого великого поэта, который бы не пытался философствовать. Шелли писал о жаворонках, но он писал и о Брахмане.

*Life like a dome of many-coloured glass
Stains the white radiance of Eternity**

* Жизнь, точно многокрасочный витраж
Пред Вечности сияньем белоснежным¹

столь же поэтично, как и

*Hail to thee, blithe spirit!**

Есть взлеты непревзойденной поэзии в Гите и Упанишадах. Жесткие утверждения всегда чрезмерны, и нет причины, почему поэту непозволительно выразить свою индивидуальность или свой внутренний дух, или, что весь его поэтический ум должен быть усечен, сжат или удушен какими-либо теориями или «ты не соответствуешь» данному характеру.

7-12-1931

P.S. Если принять за основу главный лейтмотив описанных вами теорий (что стихи ни в коей мере не должны содержать какой-либо философии, и т.д.), тогда придется исчезнуть доброй половине мировой поэзии. Проникающие в формы прекрасного, Истина, Мысль и Свет не могут быть изгнаны столь бесцеремонным образом. С момента своего возникновения музыка, искусство и поэзия боролись за то, чтобы выразить понимание глубочайших и величайших вещей — не только поверхностных; и так будет, покуда существуют поэзия, искусство и музыка.

* Здравствуй, дух веселый! [Пер. В.Левика²]

Это в самом деле камень преткновения мистической поэзии и, в особенности, мистической поэзии такого рода. Мистик ощущает свой опыт как действительный и реальный, даже как в высочайшей степени реальный, как сокровенное своей сути, воспринимает такие истины, которые рядовому читателю кажутся интеллектуальными абстракциями или метафизическими рассуждениями. Он пишет об опытах, чуждых обыденному кругозору. Для последнего они либо невразумительны и, сталкиваясь с ними, он тонет в них, как в бездне, либо воспринимаемы им как поэтические фантазии, выражение в выдуманных образах. Мистик же пользуется словами и образами, чтобы сообщить уму о своем восприятии, о некоем образе того, что скрыто за мыслью. Для него нет понятия абстракция. Все, что кажется интеллекту абстракцией, обладает конкретно-стью, вещественностью более реальной, нежели осязаемая форма предмета или физического события. Для него сознание это сама ткань бытия, и он может чувствовать его повсюду: окутывающим и пронизывающим — и камень, и человека, и животное. Движение сознания, его поток — не образ для него, но факт. Что же делать в подобных обстоятельствах? Поэт-мистик может всего лишь описывать то, что он почувствовал, увидел в себе, в других, в мире, точно также как если бы он почувствовал или увидел, или воспринял внешним зрением, при непосредственном контакте или отождествлении, и он оставляет читателю в меру своих сил понимать, или не понимать, или понимать превратно.

Новый вид поэзии требует нового мышления не только у того, кто пишет, но и у того, кто воспринимает.

Иное дело — место философии в поэзии, и есть ли оно у нее вообще. Некоторые романтические натуры, по-видимому, полагают, что поэт совсем не имеет права думать — только видеть и чувствовать. Я же считаю, что у философии есть свое место, и оно, вместе с психологическим опытом, может быть даже ведущим, как, например, в Гите. Все зависит от исполнения: будет ли она сухой или живой философией, скучным интеллектуальным утверждением или выражением не только живой правды мысли, но и какой-то ее красоты, ее света или ее силы.

Теория, отстраняющая поэта от раздумий или, по крайней мере, от раздумий ради них самих, происходит из настроения голого романтизма; своей кульминации она, с одной стороны, достигает в вопросе сюрреалиста: «Почему вы ожидаете от поэзии вообще какого-то смысла?», а с другой, в восхищении Хаусмана чистой поэзией, в его парадоксальном описании ее как разновидности утонченной чепухи, которая вовсе не обращена к умственным способностям, но, скорее, бьет под дых и вызывает более витальные и физические, нежели интеллектуальные ощущения и реакции. Конечно же не они реальны, но живость воображения и чувства, которые безразличны к конкретным представлениям ума и его логическим выводам; центр (или центры), по которому она бьет, — не ум и не мозг, даже не поэтическое понимание, но только

центр физический, нервный, витальный или психический. Цитируемые им строки Блейка совсем не чепуха, но в них нет положительного и конкретного смысла для интеллекта или для внешнего ума; они выражают определенные вещи, истинные и реальные, не чепуху, но более глубокое чувство, которое мы отчетливо переживаем с великим волнением какой-то внутренней эмоции, однако любая попытка ума их точно определить, притупляет их ощущение, мешает им проявиться. Метод высочайшей духовной поэзии не в этом. Ее выражение нацелено на определенную силу, направленность, на духовную чистоту и реальность. Когда нет такого понимания, это происходит оттого, что выражение его истины не знакомо обычному уму или принадлежит неизведанным областям и относится к сфере оккультного опыта; но совсем не от какого-то мрачного и опасного провала, не от нежелания мыслить. Понимание не интеллектуально, но интуитивно, даже более чем интуитивно, и всегда выражает какое-то видение, какой-то духовный контакт или знание, пришедшее от проникновения в сам объект, от отождествления.

Да, ваше стихотворение достаточно убедительно, но качественно оно, скорее, риторическое, нежели поэтическое.

Поэтичны в нем лишь две строки в конце:

*Gay singing birds caught in a ring of fire**

и

*A silent scorn that sears Eternity***

Если вы не сумели все остальное написать с тем же напряжением, которое подняло бы его почти на эпический уровень, то, думаю, только потому что ваше негодование было по большей части умственным и нравственным, эмоции же, хотя и довольно сильные, были по своему выражению слишком интеллектуализированны, чтобы придать речи и ритму поэтический накал. Негодование, *saeva indignatio* Ювенала, может порождать поэзию, но оно должно быть либо как яркий витальный протест, который заставляет вспылать чувство белым пламенем самовыражения — как в известном сонете Мильтона, — либо высоко духовным или идущим из самой глубины психической сути, отвергающим небожественное. Общепризнанно, что эмоции внешнего существа в таком сыром виде не дают достойного материала для поэзии; они должны превратиться в нечто более глубокое, не столь внешнее и личное, но в более непреходящее, прежде чем стать хорошей поэзией. В поэзии всегда сотрудничают две части одного — инструментальная, которая живет

* В кольце огня веселый птичий щебет

** Безмолвное презрение, что искушает Вечность

излагаемым, чувствует его, создает некое проекционное отождествление с ним, и внутренний провидец-творец, не вовлеченный, но видящий внутреннее значение и прислушивающийся к слову, которое должно будет его выразить. И в каком-то особом месте встречи этих двух то, что было прочувствовано и прожито, превращается в ткань истинной поэзии. По-видимому вы не достаточно отстранились от своего конкретного жизненного опыта и порожденных им реакций, чтобы углубиться в себя и преобразить его подобным образом. Но все же в двух отмеченных мною чудных строках вы добились успеха, что указывает на способность улавливать внутренний смысл пережитого поэтическим или толковательным, а не только поверхностно-ментальным способом. Первая из этих двух строк передает звучание и трагедию события, а также глупость утраты намного действеннее, нежели бы это были страницы обвинений и пояснений, а другая с невероятной силой в нескольких словах ставит проблему — как брошенный вызов бунтующего человеческого ума и его жизни Вселенскому Безличному.

17-7-1931

Какое подавляющее превосходство? Какой поэзии?
Когда я говорю, что строка приходит свыше, из высшего

уровня, или от касания высочайшего разума*, я имею в виду совсем не поэтическое превосходство по отношению к другим, более низшим уровням, и не утверждаю, что, например, строки А затмевают Шекспира или Гомера. Я только имею в виду, что в ней содержится какое-то видение, свет и пр., идущее свыше, и что особенность ее выражения, ее ритм оттуда же. Вы не оцениваете ее так же, потому что, видимо, улавливаете только поверхностный, ментальный смысл. Эта строка очень не дурна с точки зрения техники; распределение согласных и гласных также совершенно. Однако такое возможно при любом уровне вдохновения. Это все технические элементы; касание высочайшего разума состоит не в этом, но в полутонах и обертонах ритмического возгласа и языка, который вносит в нее величайшую глубину, высоту или широту духовного видения, чувства или опыта. Если я скажу, что вторая

* Высочайший разум (*Overmind*) – это понятие, введенное Шри Ауробиндо для определения самого высокого из возможных уровней ментального сознания; предыдущие уровни, находящиеся выше сферы так называемого обыденного человеческого ума, если описывать их в восходящей последовательности, будут соответственно: высший разум, озаренный разум и интуитивный разум. Таким образом высочайший разум это, по сути, кульминация ментального принципа, выше которого расположены уже сферы супраментального, или гностического, сознания, не доступные человеческому восприятию в его теперешнем не преображенном виде. [*Прим. перев.*]

строка: «*The distance-haunted fire of mystic mind*»* это чудесное выражение внутренней реальности, наиболее задушевное и мощное, а первая строка: «*Flickering no longer with the cry of clay*»** с ее образом огня, когда-то трепетавшего от «крика плоти бренной», но теперь переставшего, — восхитительное откровение, вы бы наверное возразили, что ничего такого не почувствовали. Вот почему я обычно не говорю о том, что эти вещи сами по себе представляют, или об их отношении к поэзии — только А, который старается получить вдохновение из этих уровней. Нужен либо соответствующий опыт, — например, в данном случае нужно было бы жить мистическим умом или получить от него озарение, ощутить его огонь, осознать удаленность его место обитания, услышать примешивающийся к нему крик плоти бренной, и результат неуверенного трепета его огней и откровение в прямом восходящем горении и так узнать, что это не просто романтическая риторика, не просто образы или метафоры, выражающие что-то воображаемое, а не действительное (как многие бы вероятно это и вос-приняли), но факты и реалии внутреннего «я», действительные и конкретные; либо должна быть

скрытая связь между солнечным сплетением и тысячелепестковым лотосом*, дающим возможность почувствовать, если не узнать, через слова и ритм эти реалии. Что же до техники, у высшей поэзии есть своя техника, но ее нельзя проанализировать и ей не обучить. Если бы, например, А написал: «*No longer flickering with the cry of clay*»**, это было бы уже нечто другое, хотя ментальный смысл остался бы прежним — в его рваном беглом выражении пропали бы подтекст и ритм, а вместе с подтекстом исчез бы и ритмический смысл. Не было бы передано намек на пространство и широту, наполненных криком и дрожью, энергичный толчок этого крика и порыв огня, слышимые в этой строке. Но для понимания подобных вещей необходимы внутренний взор и внутренний слух; нужно уметь слышать значение звука, ощущать звуковые пространства с их вибрациями. И еще, если бы он написал: «*Quivering no longer with the touch on clay*»***, — это была бы, возможно, не плохая строка, но менее выразительная и передающая нечто, отличное от внутреннего опыта, хотя с точки зрения ума она была бы тем же самым, но не тем же самым для солнечного сплетения и тысячелепесткового лотоса. Согласно этой технике требуется именно это слово, а не иное, именно

* Ума мистического пламень удаленный

** Не дрогнет более от крика плоти бренной

* Один из семи внутренних центров, расположенный на макушке головы и соединяющий низшую сферу человеческого восприятия с высшей. [Прим. перев.]

** Более не дрогнет от крика плоти бренной

*** Уж не трепещет от касаний плоти

на этом месте, а не на ином, именно эти звуки, а не иные, и в звуковом решении нельзя ничего менять, даже самую малость. Вы можете сказать, что так должно быть во всякой поэзии; но в обычной поэзии разум может быть полноценным соучастником, варьировать и менять, использовать тот или иной образ, применить какое-то слово здесь, иное там — если чувство в целом остается тем же и сохраняет поэтическую ценность, разум не ощущает, что все потерялось, в отличие от весьма чувствительного и ранимого солнечного сплетения. В высокой поэзии такие вещи достаточно категоричны: все или ничего, или, по крайней мере, все или провал.

В строках, которые Вы цитируете из Водсворда:

*The cataracts blow their trumpets from the steep;
No more shall grief of mine the season wrong;
I hear the echoes through the mountains throng,
The winds come to me from the fields of sleep**

Как раз ритм высочайшего разума и отсутствует; в последней строке есть что-то от вибрации высочайшего разума, выраженного не непосредственно, но через высочайшее интуитивное сознание (уровень между

* С обрыва водопадных труб накал;
Пора печальная не вызовет мучений;
Я слышу эхом меж громоздких скал
Дыхание просторов сновидений³

озаренным разумом и высочайшим), и оттого что она не непосредственная, отсутствует ритм высочайшего разума. Из того, что я дал отрывку высокую оценку, не следует, что он из высочайшего разума; поэтическое (эстетическое) значение или совершенство строки, отрывка или стихотворения не зависит от уровня, с которого оно пришло, но от чистоты, подлинности и силы, с помощью которых оно передает интенсивность видения и вдохновения, возникающих от источника любого типа. Шекспир — поэт витального вдохновения, Гомер — тонкого физического; но нет во всей литературе более великих поэтов. Несомненно, если вы сможете получать продолжительное вдохновение из высочайшего разума, это будет означать большее величие, непрерывную высоту совершенства и духовное качество поэзии, по сравнению с достигнутым прежде; но мы обсуждаем сейчас короткие отрывки и строки.

Что же до ритма и вдохновения от высочайшего разума, мы к ним будем ближе в других строках Водсворта, но я не помню их в точности и могу процитировать неверно —

*And marble face, the index of a mind
Voyaging through strange seas of thought, alone**

или в строке из Мильтона:

*Those thoughts that wander through eternity***

* Лик мраморный, недвижный ум, бредущий
Морями мысли странными, один⁴

** Те мысли, что текут сквозь вечность⁵

В них можно ощутить ритм, который не начинается и не заканчивается вместе со строкой, но всегда звучит в вечных мирах и начался в великих безднах Времени, и который возвращается в бесконечность, дабы озвучивать грядущие эоны. В действительности, ритм слов это только часть слышимого нами, то, что определяет, то, что за ними, мы слышим «ухом ушей», *shrorasya shrotram*. В какой-то мере это то, что пытается уловить вся великая поэзия, но только в ритме высочайшего разума такое становится естественным и легким как дыхание, и сохраняется не только за ритмом слов, но присутствует в самом движении слова, находит что-то вроде полностью поддерживающего его обличия.

P.S. Строки, исходящие из сознания высшего интуитивного разума, также как и из высочайшего разума, могут иметь характер мантры — их ритм также может быть родственен ритму мантры, но он еще не будет самим объектом, но только шагом, приближающим к нему.

Мантра (не обязательно только в Упанишадах), о чем я писал в «Поэзии будущего», это то, что приходит как вдохновение из высочайшего разума. Ее характерные особенности: язык, сообщающий бесконечно больше того ощущения, которое должны были бы выражать слова; ритм, который сообщает еще больше, нежели сам язык, рождающийся и исчезающий в Бесконечном;

сила, передающая не просто ментальное, витальное или физическое содержание, какие-то указания, какое-то значение вещей, о которых идет речь, но их значение и образ с точки зрения фундаментального и исходного сознания, находящегося где-то позади них всех. Отрывки, которые вы цитируете (из Упанишад и из Гиты), определенно отмечены высочайшим разумом. Но, как я говорил, вдохновение из высочайшего разума не приходит обычно в человеческую поэзию в чистом виде. Ее нужно возвысить, озарить и впечатлить величием высочайшего разума; но при этом обычно смешиваются два элемента: возвышающее воздействие и более низшая субстанция ума. Не забывайте, что высочайший разум это сверхчеловеческое состояние, для того чтобы писать всегда из вдохновения высочайшего разума, необходимо, чтобы природа хотя бы отчасти возвысилась над человеческим уровнем. Но для описания подобного, требуется более обстоятельное изложение, нежели то, которое я могу предложить вам сейчас.

Но как можно надеяться на нисхождение супраментального вдохновения, если даже вдохновение высочайшего разума столь редкое для человека явление? В этом типичная ошибка нетерпеливого искателя, надеющегося получить супраментальное, минуя промежуточные ступени, или воображающего, что он получил его, когда в действительности, он получил только нечто от озаренного или интуитивного, и лишь в самом возвышенном варианте некоторый отблеск сознания высочайшего разума.

Относительно высшего вдохновения и восприятия высочайшего разума нужно было бы говорить более весомо; но именно о подобных вещах как раз и трудно писать с какой-либо определенностью или же, удовлетворяя требованиям интеллекта, высказываться ясно и позитивно.

Не знаю, насколько возможно говорить о том, почему я рассматриваю ту или иную строку или какой-то отрывок как отмеченные высшим касанием или звучанием высшего, а другие нет. Когда я упоминал, что в строках об умирающем, подобное касание пришло через некое сильное чувство и искренность автора, я просто имел в виду тот психологический путь, через который оно пришло. Я вовсе не намеревался представить дело так, как будто бы чувство и искренность способны вступить в подобный контакт, или, что они породили звучание высшего в упомянутых строках. Боюсь, что вынужден буду повторить то же, что сказал Арнольд о выдающемся стиле: его можно почувствовать, но нельзя объяснить или вычислить. У каждого есть какое-то интуитивное чувство, распознавание чего-то, знакомого ему по опыту или по его более глубокому восприятию содержания и ритма, или одного из них, того, что звучит несомненно. Можно выдвинуть теорию или дать описание характера высшего, но вряд ли любое подобное ментальное определение будет удовлетворительным. Вы, например, говорите о чувстве Бесконечного и Единства, пронизывающих планы высочайшего разума; вовсе не обязательно, чтобы

оно присутствовало в высшем поэтическом выражении или в содержании какой-то из представленных строк: действительно, высшая поэзия, как никакая другая, может выразить подобное, но эта поэзия может касаться и совсем других вещей. Я бы с уверенностью сказал, что строки Шекспира:

*Absent thee from felicity awhile,
And in this harsh world draw thy breath in pain**

несут в себе: в содержании, в ритме и в чувстве касания высшего; но Шекспир при этом не передает нам ощущения Единого и Бесконечного. Как и в других строках, сохраняющих подобное звучание, он всегда имеет дело с жизнью, с витальными эмоциями и ответами или мыслями, которые просачиваются под давлением жизни же в жизненный разум. Данный тип поэзии обусловлен не строгим следованием трансцендентному пониманию мира, но чем-то таким, что находится позади, не принадлежащим ни уму, ни витальному или физическому сознанию и благодаря которому определенная способность или сила языка и ритма помогает выявить это более глубокое нечто. Если бы мне было нужно выбрать строку в европейской поэзии, которая бы наиболее полно выражала почти непосредственное нисхождение сознания высочайшего разума, то таковой прежде всего могла бы быть строка из Вергилия о «земном злосчастье»:

* Отторгни от себя ненадолго блаженство,
Вдыхая боль из сей юдоли скорби⁶

*Sunt lacrimae rerum et mentem mortalia tangunt.**

А еще шекспировская:

*In the dark backward and abysm of Time***

или вновь из Мильтона:

*Those thoughts that wander through eternity.****

Можно еще добавить строку Водсворда:

*The winds come to me from the fields of sleep.*****

Есть и иные, менее точные и более эмоциональные или просто описательные, которые тоже можно было бы прибавить, как у Марло:

*Is this the face that launched a thousand ships
And burnt the topless towers of Ilium?******

Если бы нам удалось вычлениить и описать некое качество и тонкое начало, отмечающее язык, ритм и

* Царство какое земли не наполнено нашим злосчастьем?
[Пер. А.Фета⁷]

** Во тьме оставшейся и времени пучине⁸

*** Те мысли, что текут сквозь вечность

**** Дыхание просторов сновидений.

***** ...лицо,

Что бросило на путь скитаний сонмы

Морских судов могучих и сожгло

Вознесшиеся башни Илиона? [Пер. К.Бальмонта⁹]

чувство этих строк и подлежащую им основу, мы бы тогда, возможно, прикоснулись к какому-то ментальному пониманию природы высшей поэзии.

Высочайший разум это сознание не совсем трансцендентное – подобным эпитетом более всего можно было бы определить сознание супраментальное или сознание Сатчитананды*, – хотя оно и обращено к трансцендентному и может получать что-то от него, и хотя оно действительно трансцендентно для обычного человеческого ума в своей полноте и собственной природной силе, когда оно не склоняется и не становится частью ума, для нас оно, скорее, сверхсознательно. Более точно было бы его назвать космическим сознанием, оно, по сути, сама основа космического в том виде, в котором мы воспринимаем, понимаем, или ощущаем его. Оно стоит позади каждой космической частицы и является источником всех наших ментальных, витальных или физических реалий и возможностей, которые представляют собой его уменьшенные и деградировавшие производные и вариации и не имеют, за исключением неких образований и действий гения или особо интенсивного самопреодоления, чего-нибудь еще помимо природного качества и силы высочайшего разума. Тем не менее, будучи расположенным за, как бы сокрытым вуалью, оно может как-то прорываться и просвечивать или даже

* Триединство, описываемое тремя взаимосвязанными понятиями: Бытие, Сознание, Блаженство. [Прим. перев.]

только туманно вспыхивать сквозь нее, и тем самым приносить свое касание и свое звучание. Мы не способны получать подобное часто, не сорвав покров, не пробив брешь, не прорвавшись к нему решительно, и не открыв для себя скрытый позади лик, не научившись жить в его свете и не установив с ним какой-либо устойчивый взаимообмен. Или же можем прорываться к нему время от времени, даже и не восходя, если у нас сложилась какая-то взаимосвязь между высшим и обычным сознанием. То, что сходит вниз, возможно, будет сильно приуменьшено, но оно будет нести какую-то его часть. Обычный читатель поэзии, который не обладает таким опытом, не сможет определить или как-то почувствовать, что здесь есть нечто особенно привлекательное, глубокое, тонкое или необычное – или же, напротив, отвернется от него как от чего-то чересчур возвышенного и избыточного; он даже может отозваться неуважительно как о «розовых стихах», как о риторике, как о преувеличении или об излишестве. Тот же, у кого есть такая отверстая линия связи, напротив, сумеет почувствовать, что тут что-то есть и различимо, даже если и не сможет внятно описать или определить, что именно он чувствует. Существенно, видимо, то, что есть здесь нечто позади, о чем я уже упоминал, идущее не прямо от ума, витальной эмоции или от физического видения, но от космического «я» и его сознания, стоящего за ними; и вещи тогда видятся не так, как их видит ум, сердце или тело, но как их чувствует или видит это более высокое сознание, как оно реагирует на них. При

прямой передаче от высочайшего разума то, что обычно позади, проявляется во вне или вплотную подступает к поверхности, выражаясь в сочетании слов, которое несет в себе внушение более глубокого смысла или которое силой образа и, как бывает чаще всего, интонацией и ритмом, выявляет глубины в широком истечении, долгом шествии или во вздымаемой волне. Иногда оно поднимается, вспыхивая позади, и только подразумевается, так что требуется некое тонкое восприятие того, что не выражено непосредственно, если читатель не хочет потерять его. Чаще всего оно проявляется только как касание или отзвук, наложенные на то, что иначе было бы только ментальным, витальным или физическим поэтическим смыслом, и ничто из плоти высшей власти не проявляется из-за покрова, но становится чем-то вроде трепета и вибрации, проблеска или вспышки. В выбранных мною строках все время сохраняется необычное качество ритма, как это отчетливо видно в строке из Вергилия, часто в самом построении и всегда в интонации и созвучиях, встречающихся в этой строке, и как бы связанные воедино какой-то неизбежной меткостью. Есть также вдохновенный отбор или необычное сочетание слов, которое имеет силу пробудить более глубокое чувство в разуме, как у Вергилия:

*Sunt lacrimae rerum.**

* злосчастьем...

Можно заметить, что эта строка при непосредственном переводе на английский будет звучать неуклюже и грубо, также как и многие из восхитительных стихов Ригведы, — и именно потому, что в оригинале они имеют свежие и удачные обороты, открытия неожиданной и абсолютной фразы, они не поддаются переводу. Если вы обратите внимание на сочетание слов и звуков в шекспировской строке:

*And in this harsh world draw thy breath in pain**

настолько выстроенную, чтобы со всей несомненностью передать разуму, а еще более обостренным нервам и чувствам сколь тяжела и болезненна, почти до невозможности, жизнь души, пробудившейся к страданиям мира, то вы поймете, как эта техника действует. Здесь и в других местах становится видимой и ощутимой сама плоть и суть вещей. Такую же преобладающую характеристику можно было бы найти в других строках, которые я не цитировал, — у Леопарди:

*Insano indegno mistero delle cose***

или у Водсворда:

*Voyaging through strange seas of thought, alone.****

* Вдыхая боль из сей юдоли скорби

** Когда вещей чудовищная тайна — пер. А. Наймана¹⁰

*** ...бредущий

Морями мысли странными, один.

Строку Мильтона оживляет выбор слова *wander* (странствуют), расположенному возле *through eternity* (сквозь вечность); если бы он выбрал другое слово, это уже не была бы строка высокой поэзии, даже если бы поверхностный смысл остался тем же самым. С другой стороны, возьмем строфу у Шелли:

We look before and after,—

And pine for what is not:

Our sincerest laughter

With some pain is fraught;

*Our sweetest songs are those that tell of saddest thought.**

Вот пример совершенной поэзии с наиболее изысканной мелодией и красотой слов и непревзойденной остротой пафоса, но она лишена касания или звучания высшего вдохновения: только ум и сердце, витальная эмоция, проявленная в своем высочайшем взлете под давлением психического вдохновения. Таков же и ритм, непосредственный, прямой — светлое и светящееся движение — прозрачный, бьющий прямо из психического истока. Подобными свойствами отмечено и другое лирическое стихотворение Шелли,

* Мы шаг блюдем вернейший

И тщимся о пустом:

Наш смех наичистейший

Отягощает стон;

И песни сладкозвучней, чем их грустнее тон.¹¹

возможно наичистейший пример психического вдохновения в английской поэзии:

*I can give not what men call love;
But wilt thou accept not
The worship the heart lifts above
And the Heavens reject not, —*

*The desire of the moth for the star,
Of the night for the morrow,
The devotion to something afar
From the sphere of our sorrow?**

Вновь пред нами предельная необычайная поэтическая красота, но при этом ни одного звука свыше.

В других цитированных мною строках в какой-то степени передавалась реальность языка и ритма высочайшего разума. Но конечно же не вся высшая поэзия исходит из высочайшего разума, чаще она идет от возвышенной мысли, от озаренного разума или от

* Не дам, что любовью слывет;
Но тебе ль не принять
Восхищенного сердца полет,
Небесам ли его отрицать —

Страсть мотылька пред звездою,
Тьмы пред рассветом и дали
Преданность всею душою
Из этого царства печали.¹²

чистой интуиции. Последняя отличается от интуиции ментальной, встречающейся в поэзии довольно часто и не выходящей за пределы уровня разума. И язык, и ритм этих иных высших уровней разума могут сильно отличаться от тех, которые принадлежат высочайшему разуму; ибо высочайший разум мыслит масштабно; его мысль, чувство, видение высоки или глубоки, или широки, или все это вместе: используя ведический оборот от огне, божественном вестнике, он идет, безграничный, своим путем, дабы принести божественные богатства, и имеет соответствующие язык и ритм. Высшая мысль оставляет глубокий след своих отчетливых шагов и движется в ясно очерченном свете: божественная сила, масштаб давления, достоинство — вот его наиболее характерные черты. Поток озаренного разума вводит сверкающее наводнение слов-откровений или света теснящихся образов, иногда дополнительно нагруженных откровениями иногда — озаряющим размахом. Интуиция это обычно ослепительная вспышка, проясняющая одно место или участок, или сцену во всеобъемлющей завершенной полноте образа пред удивительным экстазом внутреннего зора; ее ритм обладает убедительным неизменным звучанием, которое позволяет услышать все самое существенное, но воплощается, как правило, в одном ударе. Однако это самые общие и преобладающие свойства; возможны любые варианты. Кроме того, существуют смешанные вдохновения, разные пересекающиеся уровни, соединяющие и видоизменяющие звучание друг друга, и передача свыше

может содержать, или нести с собой все это. И что из такого изобилия сможет понять и прояснить для себя обычный читатель поэзии?

Кроме того, в ментальной поэзии существуют производные или заменители для всех стилей. «Великий стиль» Мильтона это такой же заменитель стиля высшей мысли. Где бы он ни применялся, и на обычном уровне, и в его высшем взлете, всегда или почти всегда там есть его отголосок:

*Of man's first disobedience and the fruit
Of that forbidden tree**

или

*On evil days though fall'n, and evil tongues***

или

*Blind Thamyras and Maeonides
And Tiresias and Phineus, prophets old.****

Поэзия Шекспира блистает игрой оттенков воображения, которое можно расценивать как ментальный заменитель вдохновений озаренного ума, и иногда, нацеливаясь на возвышенный тон, он соединяется с озаряющим высшим

* О своеволие первом человека, о плоде
запретном древа¹³

** И дают злые дни, и злые языки¹⁴

*** Слепой Хамарис и слепой Манидас,
Тирезий, Финес, прежние пророки.¹⁵

вдохновением, как в строках, которые я уже не единожды цитировал:

*Wilt thou upon the high and giddy mast
Seal up the shipboy's eyes and rock his brains
In cradle of the rude imperious surge?**

Но остальная часть этого отрывка оказывается, несмотря на возвышенный язык и звучный ритм, намного ниже высшего накала. Поэтому уму легко ошибиться и принять высшее вдохновение за более низшее и *vice versa*** Таким же образом могут быть на первый взгляд восприняты строки Мильтона из-за какой-то глубины эмоции в их мощном медлительном ритме как бы наполненном высшей сложностью, а этот ритм теряет свою возвышенную правду, из-за того что за ним не стоит никакого глубокого чувства. Он не выражает ничего, кроме благородного и величественного пафоса безрассудства и старости великой личности, переживающей невзгоды. Архитектура Мильтоновской мысли и поэзии высока, мощна и огромна, но, как правило, лишена некоего тонкого отголоска, глубинных пространств: сокровенное человеческого существа чуждо его умунастроению, поскольку он творит именно в свете

* На взлете мачты невообразимом
Ты вежды юнги тяжестью сжимаешь,
Суровой колыбелью окружив...¹⁶

** – наоборот [Прим. перев.]

поэтической ментальности. Он не блуждает в «тайной пещере сердца», не следует за внутренним пламенем, точно вор крадущийся за короной света в святая святых. Шекспир же, несмотря на господство расцветок и картин жизни, иногда проникает туда, как бы под власть какой-то особой психической случайности.

Поэтому я не знаю, смогу ли сказать что-то определенное о строках, которые вы цитируете; видимо, прежде их надо было бы прочесть в контексте, но мне кажется, что в них есть только некое касание — как в строках об умирающем. То, что там описывается, могло довольно часто случаться, например, во времена последних войн и переворотов, а также яростной борьбы, гонений и катастроф; но в них не раскрывается или раскрывается не полностью величие подобного опыта, поскольку люди воспринимают умом и сердцем, но не душой; хотя, по некой случайности словесного и ритмического намека на нечто позади, в них есть что-то от величия опыта души и ее отважного приятия трагичного, окончательного, неизбежного — и ее сопротивление; это всего лишь намек, но его достаточно: Высшее прикоснулось и отступило назад в свои высоты. В цитируемой вами строке есть нечто совсем иное, но столь же существенно достойное:

*Sad eyes watch for feet that never come.**

Намного труднее сказать что-то более определенное о восприятии высочайшего разума. Когда я писал о нем, я

* Печальный взор к тому, кто не придет вовеки.

думал, скорее, о неподвижном эстетическом восприятии, которое воспринимает и получает, нежели о динамической эстетике, которая творит; я вовсе не думал о высших или внутренних градациях поэтического величия или красоты. Если бы вся сила высочайшего разума или даже сила более низшего сверхсознательного плана могла спуститься в разум и полностью преобразить его действие, тогда, несомненно, появилась бы более великая поэзия, по сравнению со всем, достигнутым ранее, а также если бы сверхсознательное могло полностью сойти в жизнь и возвеличить ее всю до себя — преобразить ее — была бы создана более великая сверхчеловеческая жизнь. Но сейчас происходит только то, что спускается немного и действует по закону ума и в смеси с умом, и это немного должно быть обусловлено законами и стандартами ума. Оно вносит новое звучание, окраску, новые элементы, но не меняет целиком саму материю сознания, с которой взаимодействует.

Порождает оно великую поэзию или нет зависит от степени проявления его силы и от того, насколько оно преодолевает, а не обслуживает, помогающую ему ментальность. Пока что сделано недостаточно, чтобы возвысить труд сей к полноте величия того, кто трудится.

И потом, что именно вы понимаете под величием поэзии? Можно утверждать, что Вергилий более велик, нежели Катул, и что многие строки Вергилия величественнее всего достигнутого когда-либо Катулом. Но поэтическое

совершенство и величие это не одно и то же. Вергилий по-своему совершенен, но совершенен по своему и Катул: каждый в равной степени обладает определенной изысканностью совершенства, но каждый по своему. Вергилий более масштабен и глубок, Катул же — более свеж и интенсивен. Искусство Вергилия достигло (или же имело ее с самого начала) большей и более постоянной зрелости, по сравнению с Катулом. И в этом случае можно сказать, что Вергилий был более великим поэтом и мастером слова и ритма, но нельзя утверждать, что его поэзия, по своему, была более совершенной поэзией, и что Катул не столь совершенен. От этого многие попытки сравнения становятся неудачными, подобно тому как это было у Арнольда, пытавшегося сравнивать «Жаворонка» Водсворта и Шелли. Вы могли бы сказать, что Мильтон был более великим поэтом, нежели Блейк, но всегда найдутся люди, не столь искушенные в эстетике, которые предпочтут лирические усилия Блейка более величавым достижениям Мильтона, и у Блейка есть некоторые вещи, затрагивающие более глубокие струны, которые могучая рука Мильтона задеть не в силах. Да и само поэтическое превосходство не уместается в слово величие. Каждый хорош по-своему, несравненен и выделяется собственной ценностью.

Так что давайте пока оставим вопрос поэтического величия и превосходства и обратимся к восприятию высочайшего разума. Под эстетическим восприятием понимается реакция сознания, ментального, витального

и даже телесного, которое воспринимает нечто от предметов, нечто, что можно назвать их вкусом, раса, то, что, проходя сквозь ум или чувство, или через них обоих, пробуждает витальное удовлетворение этим вкусом, бхогу, и вновь побуждает нас, побуждает даже душу к чему-то еще более глубокому и более основательному, нежели простое удовольствие и удовлетворение, к некой форме духовного восторга от бытия, к Ананде. Поэзия, как и любое искусство, служит поиску подобного: это эстетическое восприятие, это раса, бхога, Ананда; она приносит нам расу слова и звука, но также и идею, а через идею и сами вещи, выраженные словом, звуком и мыслью, ментальный или витальный образ их формы, качества, прочно утверждает в нас или даже, если поэт достаточно силен, их всеобщую суть, их космическую реальность, саму их душу, дух, который пребывает в них — как и во всем. Поэзия способна и на большее, но это, по крайней мере, она делать должна, пусть и в самой незначительной мере — или это не поэзия. Эстетическое восприятие, таким образом, это сама суть поэзии, а также и всего искусства. Но оно не единственный элемент, и восприятие поэзии и искусства не сводится к одной эстетике; оно касается всего, что существует в мире: нет ничего из того, что бы мы чувствовали, о чем думали или как-то воспринимали, что не имело бы эстетической реакции нашего сознающего существа. Обычно мы считаем, что эстетическое восприятие связано с прекрасным, и это действительно

его наиболее яркое проявление: но оно касается и многого другого. Родоначальник восприятия — вселенская Ананда, а она имеет три главные и изначальные формы: красоту, любовь и восторг, восторг всего сущего, восторг в вещах, всего того, что существует. Вселенская Ананда мастер и творец вселенского свидетельства, восприятия и испытания радости творения. В низшем сознании она создает свои противоположности, чувство ужасного, а также и чувство прекрасного, ненависти, отрицания и недовольства, а также любовь, привлекательность и приятность, печаль и боль, а также радость и восторг; а между этими противоположностями, подобно серому оттенку общего фона, существует общий тон нейтральности и безразличия, порождаемый всеобщей нечувствительностью, в котором Ананда в своем темном отрицании впадает в Бессознательное. И все это область эстетического восприятия: ее наиболее безрадостная реакция есть безразличие, высочайшая — экстаз. Экстаз — это знак обращения к изначальной и высшей Ананде: высшими будут то искусство или та поэзия, которые смогут передать нечто от высочайшей интонации экстаза. Поскольку по мере того как сознание ступенчато опускается с высших уровней к бессознательному, общее проявление такого нисхождения всегда выражается в изменении силы его интенсивности, интенсивности бытия, сознания, интенсивности силы, восторга в вещах и восторга существования. А когда мы восходим к высшему уровню, эта интенсивность возрастает. Когда мы поднимаемся над

умом, ограниченные ценности ума, жизни и телесного сознания замещаются более высокими и масштабными ценностями. И эстетическое восприятие участвует в подобном повышении интенсивности наших возможностей, в частности, возможности испытывать наслаждение и боль, так как приятное и неприятное сравнительно бедно на уровне нашего ума и нашей жизни; наша способность испытывать экстаз кратка и ограничена; его оттенки возвышаются над общей нейтральной основой, которая все время пытается втянуть их назад в себя. Общий фон перестает быть нейтральным, но обретает духовную легкость и становится счастьем, над которым или из которого поднимаются особые тона эстетического сознания. Это первое основополагающее изменение.

Другим изменением при таком переходе будет обращение ко всеобщности от изолированности, от конфликтующего множества, от взаимных противоречий низшего сознания. В высочайшем разуме мы впервые обретаем прочную основу бытия всеобщей красоты, всеобщей любви, всеобщего восторга. Подобное может сойти на ментальный и витальный уровень, даже прежде чем эти уровни непосредственно прикоснутся к духовному сознанию или испытают его влияние; но здесь оно уже воспринимается не как непрерывное, но как временное, и ограниченное в своем проявлении, и не затрагивающее всего сущего. Что-то вроде отдельных вспышек — это еще не изменившееся видение, не изменившаяся природа. Художник, к примеру, наблюдая предметы заурядные,

жалкие и ужасные, даже отвратительные с обычной точки зрения, может увидеть в них, выявить в них красоту и сопутствующий этой красоте восторг. Но это будет вариант только какой-то особой милости для эстетического сознания, ограниченного пределами данной области искусства. В высшем же сознании, в особенности в высочайшем разуме, подобное все более и более становится законом восприятия и природы. К чему бы ни обращался человек, одухотворенный высочайшим разумом, он увидит всеобщую красоту, прикасающуюся ко всему, все возвышающую, через все себя выражающую, все оформляющую в область или в объекты ее божественной эстетики; и от него исходит ко всему всеобщая любовь; он ощущает Блаженство, создающее миры и поддерживающее их, и все это выражает ему всеобщий восторг, производится из него, является выражением его и оформляется в его образ. Это всеобщее восприятие красоты и восторга не избегает и не изменяет понимание различий и противоположностей, градаций, гармонии и дисгармонии, очевидных для обычного сознания: но прежде всего оно извлекает их расу, а с ней приходит и удовлетворение, бхога, и касание или лавина Ананды. Оно видит, что все вещи имеют свое значение, свою ценность, свой более глубокий и всеобщий смысл, который не виден уму, так как ум связан только с внешним восприятием, с внешними отношениями и со своими поверхностными реакциями. Когда что-то выражается совершенно, что бы при этом ни выражалось, полнота приносит и чувство

гармонии, чувство эстетического совершенства; даже тому, что диссонирует, оно находит место в системе космического согласия, и диссонансы становятся частью более общей гармонии, а когда есть гармония, есть и чувство красоты. Даже в самой форме, помимо ее смысла, сознание высочайшего разума видит объект всеобщности, который меняет свое воздействие на воспринимающего, даже оставаясь тем же самым предметом. Оно видит линии и массы и скрытый рисунок, невидимый физическому зрению и недоступный даже пронизательнейшему умственному видению. Каждая форма становится прекрасной для него в свете более глубокого и масштабного чувства красоты, нежели то, которое нам известно. Высочайший разум смотрит также прямо в душу каждому предмету, не только на его форму, не только на его значение для ума и для жизни; он приносит ему не только его собственную истину, но и его восторг. Он видит также единый дух во всем, лик Божественного всюду; и не может быть более высокой Ананды, чем эта; он чувствует единство со всем, симпатию, любовь, блаженство Брахмана. В высочайшем, наиболее всеобщем восприятии он видит все вещи как бы сделанными из существования, из сознания, силы, из блаженства, каждым атомом своим изменяющимся и составленным Сатчитанандой. Во всем этом участвует и проявляется эстетическое восприятие высочайшего разума; так как это все происходит не просто как идея для ума или правильное понимание, но как опыт всего существа и тотальный ответ, не только возможный, но находящийся

выше определенного уровня несомненности.

Я сказал, что эстетическое восприятие откликается не только на то, что мы называем красотой и прекрасным, но на все. Мы делаем различие между истиной и красотой; но на истину тоже может быть эстетический отклик: радость от ее красоты, любовь, рождаемая ее очарованием, восхищение от ее обретения, страсть от ее обретения, эстетическая радость от ее выражения, удовлетворение любви от передачи ее другим. Истина это не просто сухое утверждение фактов или идей для или посредством интеллекта; она может быть великолепным открытием, радостным откровением, предметом прекрасного, которое всегда радость. Поэт также может быть искателем и любителем истины. Он может чувствовать поэтическую и эстетическую радость в выражении истины, также как и в выражении прекрасного. Он не просто производит интеллектуальное и философское утверждение истины; именно свое видение красоты, ее силы, свое трепетное восприятие ее, свою радость от нее он пытается передать предельным совершенством слова и ритма. Если ему не чужда страстность, тогда даже философское утверждение ее он сумеет преобразить этим чувством мощи, силы, света, красоты. На определенном уровне высочайшего разума, там, где элемент ума преобладает над элементом знания, существует различие между истиной и красотой. В действительности, одна из основных функций высочайшего разума разделять основные силы сознания и каждую из них наделять полностью независимым развитием и

удовлетворением, выявлять ее предельные возможности и значения, ее собственную душу и конкретную форму и предоставлять ее, насколько это возможно, ее собственному пути. Он может возвысить каждую способность человека и проявить весь ее потенциал, ее высочайшее свойственное только ей развитие. Он может дать интеллекту его чистейшую интеллектуальность. А логике ее абсолютную беспощадную логичность. Красоте он может придать великолепную страсть сияющей формы, а сознанию, его воспринимающему, величайшую высоту и глубину экстаза. Он может породить абсолютную и чистую поэзию, невозможную для интеллекта по созвучию с его глубинами или полнотой охвата, менее всего поддающуюся ментализации и анализу. В этом назначение высочайшего разума — дать каждой возможности всю ее полноту, ее собственное отдельное царство. Но у высочайшего разума есть и иное действие, которое видит, мыслит и творит массами, которое переобъединяет разобщенные вещи, примеряет противоположности. На этом уровне истина и красота не только оказываются постоянными компаньонами, но становятся одним, вовлеченными друг в друга, неразделенными: на этом уровне истина всегда прекрасна, а прекрасное всегда истинно. Их высочайший сплав возможен только в супраментальном; но в своих вершинах высочайший разум вбирает в себя достаточно супраментального света, чтобы видеть то, что видит супраментальное, и делать то, что делает супраментальное, хотя и в низшем ключе и с менее абсолютной истиной

и мощью. На низшем уровне высочайший разум может прибегать для выражения к языку интеллекта, в той мере в которой этот язык способен выразить его собственный более великий смысл и его послание, но на своих вершинах высочайший разум использует собственный природный язык и истинам своим дает их собственное высшее выражение, и ни интеллектуальная речь, ни интеллектуализированная поэзия не могут быть пригодны для выражения подобной мощи и красоты, не в состоянии даже приблизиться к ним. И здесь ваше высказывание, что поэзия живет собственным эстетическим качеством и не нуждается в истине, или что истина должна зависеть от эстетики, чтобы вообще быть поэтичной, теряет всякий смысл. Так как здесь сама истина это высочайшая поэзия, и ей нужно лишь проявиться, чтобы стать неоспоримо прекрасной зрению, слуху, чуткости души. Там обитает и оттуда истекает тайна неизбежного слова, высший бессмертный ритм, абсолютное значение и абсолютное выражение.

Надеюсь, что вас не обескуражит эта лавина метафизической психологии; вы обрушили ее на себя, задавая вопросы о более великом, масштабном и глубоком восприятии высочайшего разума. То, что я написал, в действительности, очень скудно и схематично, только лишь некоторые из тех существенных моментов, которые нужно здесь упомянуть; но без них не стоит и пытаться дать вам хотя бы какой-то намек на понимание моей фразы. Это более великое восприятие неотделимо от более великой

истины, оно глубже, благодаря всему ее неохватному масштабу. Я не надеюсь, что читателю поэзии будет все это сколько-нибудь близко, ему такое не под силу, пока он не стал йогиним или хотя бы садхаком: но так же как высшая поэзия привносит в разум, не причастный целиком высшим достижениям, отзвук способности к более глубокому видению и творчеству, также и для полного понимания всей его сути требуется по меньшей мере некий отзвук более глубокого ответа в уме и какой-то отзвук более глубокого восприятия. До тех пор пока такое созвучие не станет обычным, высшее или, по крайней мере, высочайший разум не собирается, по всей видимости, делать больше, нежели прикасаться то тут, то там, как это было в прошлом — несколько строк, несколько отрывков, или, возможно, при явном прогрессе чуть значительно, — или проникать в наше выражение полнотой всей своей силы и абсолютного значения.

Я сказал, что высшая поэзия не обязательно более великая или более совершенная, чем любой другой вид поэзии. Но, возможно, это утверждение надо определить более точно. Верно, что каждый вид поэтического сознания может достичь высочайшего или совершенного совершенства в своем направлении и в своем качестве, а что может быть более совершенным, чем совершенное совершенство, и можем ли мы сказать, что один тип абсолютного совершенства более велик, нежели абсолютное? Но тогда что же мы понимаем под совершенством поэзии? Есть совершенство языка, и есть совершенство музыки слов и

ритма, красота речи и красота звучания, но существует также качество произносимого, имеющее какой-то смысл. Если мы будем принимать в расчет только слово и звук и то, что они собой пробуждают, мы получим приложение к поэзии теории искусства ради искусства. С этой позиции мы могли бы утверждать, что лирика Анакреона столь же хороша поэтически и настолько же совершенна, как и что-то, взятое у Эсхила, Софокла или Гомера. В таком случае в нашем рассмотрении поэзии не мог бы быть поставлен вопрос о высоте, глубине или внутренней красоте; и все же он ставится, большинством, во всяком случае, и остается частью эстетического отклика, даже большей частью «эстетики» критиков и читателей. С этой точки зрения высота, из которой приходит вдохновение, могла бы помимо всего прочего предоставлять тому, кто ее получает, готовый и мощный инструмент; так как великий поэт сделает с низшим уровнем источника вдохновения гораздо больше, чем менее значительный поэт способен сделать даже при вдохновении из источника высочайшего. В определенном смысле все гении происходят из высшего, так как гений это проникновение, прорыв в разум более великого сознания или обретение умом более великой силы. В каждой работе гения всегда позади или в качестве составной части присутствует интуиция, откровение, вдохновение, озарение или, по меньшей мере, в качестве намека, касания или притока, более великая сила, или более высокий уровень сознания бытия, по сравнению с теми, которыми люди обычно владеют или пользуются.

Но такая сила может действовать двояко: она либо затрагивает обычные нормы ума и углубляет, возвышает, усиливает или предельно очищает их действие, оставляя их прежними, не преобразуя их обычного характера; либо она приносит в обычные нормы что-то от себя, что-то сверхнормальное, нечто, ощущаемое как необыкновенное и возможное только для сверхчеловеческого уровня. Оба эти воздействия, проявляясь в поэзии, могут производить вещи в равной степени утонченные и прекрасные, но слова «более великий» применимы, при определенных оговорках, ко второму способу и его довольно редкому поэтическому творчеству.

В области поэзии высочайший разум вынужден пользоваться языком не своим, но созданным умом, и потому он не вполне адекватен или способен воспринять и выразить свой более великий свет и свою более великую истину, необыкновенные силы, формы величия, совершенства и красоты. Он лишь может в своих целях предельно накалить и усилить этого посредника, но не изменить его основополагающий или сугубо ментальный закон и метод; он вынужден изучать его и делать все возможное для его возвышения, углубления и расширения. Возможно, то, что Маларме и другие поэты пытались или пытаются осуществить, и было попыткой добиться какого-то подобного преобразования; но это порождает опасность стать основательно и даже чрезмерно туманным или прекрасно и восхитительно невнятным. Есть иная точка зрения, которую было бы полезно развить. Поэты

это люди духа, или гения, чье сознание каким-то образом приблизилось к более высокому динамизму замысла и выражения, нежели то, которое может быть свойственно обычному человеку — хотя обычный человек часто тоже стремится к тому же с результатом, в котором иногда проявляется талант к стихосложению и выразительному языку — время от времени, ненадолго. Я говорил, что гений это результат вмешательства или влияния более высокого сознания, по сравнению с обычной человеческой разумностью, более великого света и силы; испытать на себе действие гения в результате подобного вмешательства может и обычный человек, но только у немногих столь редкое явление находит часть сознания, способную оформиться в привычного посредника для выражения его более великого света и силы. Но вмешательство этого более высокого сознания может приобретать различные формы. Оно может привносить не само высшее сознание, но его заместители, возвышенные движения ума, который дает отражение характера и качеств высшего движения. Существуют заместители для выражения Высшей Мысли, для Озарения, для Интуиции, дающие великие или блестящие результаты, но их нельзя рассматривать как саму плоть высшего сознания. Кроме того могут быть смешанные движения, движения ума в его полной силе со вспышками от высшего или даже с неким светом, удерживающимся какое-то время. Наконец, изредка может произойти и само нисхождение высшего, но обычно оно не поддерживается долго, хотя оно и способно повлиять

на все окружение и создать длительный накал высокого выражения. Все это можно наблюдать в поэзии, но обычному уму нелегко понять подобные различия или же ощущать подобное, и еще труднее понять эти строки интеллекту. Нужно самому жить в таком свете или иметь вспышки его в себе, чтобы уметь распознавать, когда он проявляется вне нас. Легко допустить ошибку понимания; довольно обычное дело путать оттенок высшего света, даже наблюдая его, и только представлять и заявлять: «Ах, да, это очень хорошая поэзия».

В сонете мысль следует за мыслью, строка за строкой в некой архитектурной последовательности, или же развиваясь по нарастающей, подобно накатывающим на берег волнам, с быстро завершающейся концовкой в последнем куплете или, как у Мильтона, неторопливой.

Есть два способа передачи стихотворения с одного языка на другой — один это строгое сохранение манеры и строя оригинала, другой — взять его дух, чувство и образность и воспроизвести их свободно, как бы облекая в одежды нового языка. Стихотворение А исключительно сжатое, непосредственное и лаконичное в словах, в форме, в ритме, и вместе с тем многозначительное — того же самого,

по-видимому, не добиться на бенгальском; необходимо использовать более богатую форму — именно это вы и сделали. Ваш перевод очень хорош; только сопоставив его с оригиналом, можно увидеть, что одно подобно изящной миниатюре, а другое — богатой постройке. Если вы сравните его:

*Where is it calling
The eyes of night**

С соответствующими строками в вашем стихотворении, вы увидите различие. Я совсем не считаю, что надо что-либо менять.

11-7-1937

Переводчик вовсе не обязан слепо следовать слову и букве взятого им оригинала; он может, если ему угодно, создать на его основе собственное стихотворение: так очень часто и бывает. Тем более это законно, если мы находим, что буквальные переводы неоправданно усложнены, по сравнению с более разумным свободным переводом и превращают жизнь в смерть, а поэтическую силу в убожество и плоскость. Не многим по силам передать дух стиха, характерную особенность его выражения и повороты

* Ну где ж призывный
Ночи взор

его ритмического движения с одного языка на другой, особенно когда языки столь несхожи по темпераменту, как английский и бенгальский. Когда это удастся, получается совершенный перевод.

Полагаю, что хорошее правило о буквальности перевода в том, чтобы сохранить его наиболее близким к оригиналу, дающим возможность читать его не как перевод, но как оригинальное стихотворение на бенгальском и, насколько это возможно, позволяющим видеть в нем оригинальное стихотворение, написанное на бенгальском.

Согласен, что я сам не практиковал то, чему учу — когда бы я не переводил, я не заботился о нарушении чувства оригинала и беспардонно его переиначивал в угоду собственной фантазии. Но это серьезное и тяжкое правонарушение, которому вряд ли стоит подражать. Позже я пытался быть более корректным, не знаю, насколько, правда, успешно. Именно в этом случае уместно было бы сказать: «Делай то, чему я учу, и избегай того, как я поступаю».

10-10-1934

Думаю, что не идеи создают различие между европейскими и индийскими языками, но — языковые обороты. Передавая английский оборот на бенгальском, можно попасть впросак, пытаясь воспроизвести действие оригинала, потому что этот оборот может оказаться

весьма причудливым в новом языке; но всегда возможно, применяя правильный оборот языка, более легко воспринимаемый бенгальским умом и ухом, найти идею, настолько же естественную и действенную, как и в оригинале; или даже если сама идея кажется странной бенгальскому уму, можно с помощью оборота речи приспособить ее, сделать приемлемой. Исходную мысль в переводимом вами отрывке можно свести к чему-то вроде: «Вот прекрасный мир, звезды, леса, птицы — я живу еще не так долго, чтобы узнать их хорошо, или чтобы они узнали меня, и чтобы установилась дружба между нами, чтобы мы могли как следует познакомиться, и вот я преждевременно умираю». Это совершенно человеческое чувство, вполне допустимое, возможно, более естественное для индийца, чем для европейца (свидетельство тому «Шакунтала» Калидасы), и его легко воспринять. Но оборот, используемый в английском, резкий и отрывистый, и хотя он достаточно сильный и попадает прямо в цель, на бенгальском он будет звучать странно и неуместно. Если это так, то вам надо найти бенгальский оборот для этой идеи, который был бы столь же силен и непосредственен; это должно стать правилом не только здесь, но и в остальном. Естественно, не следует слишком отдаляться от оригинала и говорить нечто весьма отличное по сути, но помимо этого ограничения вполне допустима любая необходимая свобода.

Не то чтобы я нашел переводы удовлетворительными в полном смысле слова, но они лучше, чем я ожидал. Среди них, даже среди лучших, нет ни одного, который бы я назвал вполне удавшейся вещью. Но эта «вполне удавшаяся вещь» настолько же редкая *rouvaille**, насколько и призрачная. Как попытка поймать Вечное с помощью часов. Что до передачи нюансов, трудность связана с одной значительной особенностью английского языка, которой ни один другой известный мне язык не обладает, а именно, с той легкостью, с которой он находит искусный оборот-намеки, невыразимое предположение, дверь, открываемую непередаваемому. Бенгальский, как и французский, очень ясный и светлый, живой и выразительный, но для столь ясных языков выражения невыразимого не легко — нужно выискивать свой способ, чтобы донести это. Свидетельство тому — схватки Малерме с французским в поисках символического выражения, правильного оборота речи для завуалированного. Но думаю, что и в таких языках должна проявиться способность легко их находить; пока же между ними существует различие.

* (фр.) — находка [Прим. перев.]

ПОЯСНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

В предлагаемый вашему вниманию сборник вошли сонеты позднего периода творчества Автора, датированные 1930–1950 гг. (сонеты 1–59) и сонеты недатированные (60–73). При подготовке переводов мы опирались в основном на «Юбилейное издание». Однако некоторые сонеты публиковались в разных сборниках в несколько различающихся вариантах. В этом случае мы оставляли за собой право выбора для перевода конкретной версии оригинала. Сонеты, взятые для перевода в редакции, отличной от «Юбилейного издания», помечены (*).

В ПРИЛОЖЕНИИ мы поместили выдержки из некоторых писем Шри Ауробиндо, в которых он раскрывает внутренний смысл поэтического творчества, и, в частности, дает характеристику одному из высочайших уровней, доступных поэтическому вдохновению человека, – высочайшему разуму. Стесненные рамками данного раздела, мы не имеем возможности более подробно обсуждать этот план бытия, проявлявший себя пока что лишь в редких случаях поэтического творчества. Его величие и масштаб не освоены еще человеком. Однако из многих мыслей Автора о поэзии мы выбрали такую тему не случайно – с высоты этого уровня по-новому и

полнее можно понять и оценить весь поэтический багаж человечества, ищущего путь в эти горные просторы. И ничего, что вначале они проявляются в нас только как поэтический взлет; возможно, позже, даст Бог, нам удастся найти и более конкретное претворение этих, пока еще запредельных, высот в повседневности, возвышенной до уровня, достойного понести их Непреходящий Свет.

Относительно приведенных в ПРИЛОЖЕНИИ цитат нужно сказать следующее. Пытаясь отыскать существующие в русской литературе переводы цитируемых Автором строк, мы обнаружили, что не все упомянутые в тексте произведения переводились когда-либо на русский язык (например, незаслуженно, на наш взгляд, был обойден вниманием У.Водсворд – один из основателей знаменитой «Озерной школы»). Но и в тех случаях, когда оригинал переводился неоднократно, переводчики, как правило, дабы сохранить дух произведения, обращаются с текстом достаточно вольно, не оставляя нам возможности точно соотнести перевод с цитируемыми строками. Это довольно обычное для поэтических переводов явление. Когда такое соответствие найти все же удавалось, мы помещали перевод, указывая автора перевода. Если же перевод не давал возможности точного сопоставления с оригиналом, мы помещали собственный перевод цитаты. При этом мы стремились передать дух именно данных конкретных строк. Поэтому приводимый нами перевод нужно рассматривать как подстрочник. Строки цитат, не имеющие цифровых сносок, остались без

пояснений, т.к. нам не удалось найти их первоисточника. Судя по контексту писем, они принадлежат одному или нескольким ученикам Шри Ауробиндо.

Ниже мы посчитали полезным поместить более полные (а в нескольких случаях и более точные) цитаты строк, упоминаемых Автором, а также переводы к ним, для того чтобы читатель мог полнее ощутить дух самого произведения. В том случае, когда в тексте встречались уже цитировавшиеся ранее строки, мы оставляли их без цифровой ссылки.

1.

LII

The One remains, the many change and pass;
Heaven's light forever shines, Earth's shadows fly;
Life, like a dome of many-colour'd glass,
Stains the white radiance of Eternity,
Until Death tramples it to fragments. – Die,
If thou wouldst be with that which thou dost seek!
Follow where all is fled! – Rome's azure sky,
Flowers, ruins, statues, music, words, are weak
The glory they transfuse with fitting truth to speak.

P.B.Shelley, ADONAI: AN ELEGY ON THE DEATH OF JOHN KEATS, 1821.

В переводе В.Д.Меркурьевой:

П.Б.Шелли, АДОНАИС. ЭЛЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ
ДЖОНА КИТСА

LII

Одно осталось, множество прошло;
Век светит небо, тень внизу бежит;
Жизнь – купола цветистое стекло –
Свет чисто-белый вечности темнит,
Покамест смерть стекло не раздробит.
Умри, чтобы найти, что ищешь: с ним
Быть вместе. Мрамор, музыка; увит
Цветами над лазурным небом Рим.
Но славы ореол ничем неповторим.

2.

I

Hail to thee, blithe Spirit!
Bird thou never wert,
That from Heaven, or near it,
Pourest thy full heart
In profuse strains of unpremeditated art.
P.B.Shelley, TO A SKYLARK, 1820

В переводе В.Левика:

ЖАВОРОНОК

I

Здравствуй, дух веселый!
Взвившись в высоту,
На поле, на доли,
Где земля в цвету,
Изливай бездумно сердца полноту!

3.

III

Now, while the birds thus sing a joyous song,
 And while the young lambs bound
 As to the tabor's sound,
 To me alone there came a thought of grief:
 A timely utterance gave that thought relief,
 And I again am strong:
*The cataracts blow their trumpets from the steep;
 No more shall grief of mine the season wrong;
 I hear the Echoes through the mountains throng,
 The Winds come to me from the fields of sleep,
 And all the earth is gay;
 Land and sea
 Give themselves up to jollity,
 And with the heart of May
 Doth every Beast keep holiday; –
 Thou Child of Joy,
 Shout round me, let me hear thy shouts, thou happy
 Shepherd-boy!*

W. Wordsworth, ODE ON INTIMATIONS OF
 IMMORTALITY, 1807

В моем (О.С.) переводе:

У. Водсворд, ОДА НАМЕКАМ БЕССМЕРТИЯ

Теперь же птичий звон повсюду слышен был,

Ягнята резвые без удержу скакали,
 И их копытца дробные звучали;
 Лишь я один был мыслью удручен,
 Но вот уж, словом выражен, контраст разоблачен,
 И вновь я полон сил:
 С обрыва водопадных труб накал;
 Пора печальная не вызовет мучений,
 Я слышу эхом меж громоздких скал
 Дыхание просторов сновидений,
 И в сердце праздник длится,
 Горы и моря
 Веселию представили себя,
 Оно по всей земле струится
 И в каждом существе весной родится, –
 О радости дитя,
 Кричи, ликуй, – дай, пастушек, услышать мне тебя!

4.

And from my pillow, looking forth by light
 On moon or favouring stars, I could behold
 The antechapel where the statue stood
 Of Newton, with his prism and *silent face*,
The marble index of a mind for ever
Voyaging through strange seas of thought, alone.

W. Wordsworth, THE PRELUDE, 1850 (Book 3)

В моем (О.С.) переводе:

У.Водсворд, ПРЕЛЮДИЯ

И мне с подушки было видно,
Как в тихом свете звезд или луны сиянье
Пред храмом статуей недвижимой Ньютон,
Безмолвный образ мраморный, стоит –
Застывший в камне ум, в веках грядущий
Морями мысли странными, один.

5.

Thus repulsed, our final hope
Is flat despair: we must exasperate
Th' Almighty Victor to spend all his rage;
And that must end us; that must be our cure –
To be no more. Sad cure! for who would lose,
Though full of pain, this intellectual being,
Those thoughts that wander through eternity,
To perish rather, swallowed up and lost
In the wide womb of uncreated Night,
Devoid of sense and motion?

J.Milton, PARADISE LOST, 1667 (Book 2, lines
147–156)

В переводе А.Штейнберга, под ред.С.Шервинского:

Дж.Мильтон, ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ, (книга 2,
стр.173–187)

(Велиал:)

Недолгим будет наше торжество!
Побеждены повторно; мы впадем
В бессильное отчаянье, – предел
Надежды нашей; вынудим Царя
Победоносного излить сполна
Свой гнев и вовсе уничтожить нас.
И в том спасенье? Скорбное, увы!
Кто согласился бы средь горших мук,
Терпя стократ несноснейшую боль,
Мышление утратить, променять
Сознание, способное постичь,
Измерить Вечность, – на небытие;
Не двигаться, не чувствовать, уйти
В несозданную Ночь и сгинуť в ней,
В ее безмерном чреве?

6.

Hamlet: As th'art a man,
Give me the cup. Let go! By heaven, I'll ha't.
O good Horatio, what a wounded name
(Things standing thus unknown) shall live behind me!
If thou didst ever hold me in thy heart,
Absent thee from felicity awhile,
And in this harsh world draw thy breath in pain,
To tell my story.

W.Shakespeare, HAMLET (act 5, sc.2)

В переводе Б.Пастернака:

В.Шекспир, ГАМЛЕТ (акт 5, сц.2)

Если ты мужчина,
Дай кубок мне. Отдай его. – Каким
Бесславием покроюсь я в потомстве,
Пока не знает истины никто!
Будь другом мне и поступись блаженством.
Дыши тяжелым воздухом земли.
Останься в этом мире и поведай
Про жизнь мою.

7.

*quae regio in terris nostri non plena laboris?
En Priamus! Sunt hic etiam sua praemia laudi;
sunt lacrimae rerum et mentem mortalia tangunt.
Solve metus; feret haec aliquam tibi fama salutem.
Sic ait, atque animum pictura pascit inani...*

P. Vergili Maronis, AENEIDOS, 30–19 BC (lines 459–465)

В переводе В.Брюсова:
Вергилий, ЭНЕИДА, КН.1, СТР.459 – 465

Замер и плача сказал: «На земле какое же место,
Царство какое, Архат, не наполнено горестью нашей!

Приам – гляди! Так и тут своя есть награда за доблесть,
Слезы есть о делах, и земное трогает души!
Страх отложи: даст тебе эта слава хоть некое благо».
Так говорит и картиной безлюдной дух насыщает,
Тяжко вздыхая и лик увлажняя потоком обильным.

8.

Prospero:

*Thou harst, and more, Miranda. But how is it
That this lives in thy mind? What seest thou else
In the dark backward and abysm of time?
If thou remember'st aught ere thou camest here,
How thou camest here thou mayst.*

W.Shakespeare, THE TEMPEST, 1608 – 1612 (act 1, sc.2)

В переводе М.Донского:

БУРЯ (акт1, сц.2)

Просперо:

И более. Но как в твоём сознание
Запечатлелось это? Что еще
В глубокой бездне времени ты видишь?
Быть может, помня, что происходило
До нашего прибытия на остров,
Ты вспомнишь, как мы очутились здесь?

9.

Faustus:

*Was this the face that launched a thousand ships,
And burnt the topless towers of Ilium?*

Sweet Helen, make me immortal with a kiss:
Her lips suck forth my soul, see where it flies!
Come, Helen, come, give me my soul again.
Here will I dwell, for heaven be in these lips,
And all is dross that is not Helena!

C. Marlowe, DOCTOR FAUSTUS, 1587 (sc.14)

В переводе К.Бальмонта:

К.Марло, ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДОКТОРА
ФАУСТА (сц.14)

Фауст:

Так вот оно, то самое лицо,
Что бросило на путь скитаний сонмы
Морских судов могучих и сожгло
Вознесшиеся башни Илиона?
Елена, поцелуй меня! О дай
Безсмертье мне единым поцелуем!
Моя душа исторгнута ея
Устами; вот она летит, смотрите!
Верни мне душу, о, верни, Елена!

Здесь жить хочу, в устах твоих, в них Небо,
Все, что не есть Елена, сорный прах.

10.

Rimbombaro i sollazzi e le festose
Mie voci al tempo che l'acerbo, *indegno*
Mistero delle cose a noi si mostra
Pien di dolcezza; indelibata, intera
Il garzoncel, come inesperto amante,
La sua vita ingannevole vagheggia,
E celeste belta fingendo ammira.
O speranze, speranze; ameni inganni

G.Leopardi, LE RICORDANZE

В переводе А.Наймана:

Д.Леопарди, ВОСПОМИНАНИЯ

В старинных этих залах,
В сиянии снегов, когда свистел
Вокруг широких этих окон ветер,
Звучало эхо возгласов моих
Ликующих, моих забав, в те дни,
Когда вещей чудовищная тайна
Исполненной блаженства предстает
Пред нами; и нетронутый и целый
Обманной жизни ищет с вожделеньем

Ребенок, как неопытный любовник,
И вымыслом своим же восхищен.

11.

P.B.Shelley, TO A SKYLARK, 1820 (XVIII)

В переводе В.Левика:

ЖАВОРОНОК

XVIII

Будет или было —
Ни о чем наш стон!
Смех звучит уныло,
Болью отягчен.
Вестник мрачных мыслей наш сладчайший стон.

12.

One word is too often profaned
For me to profane it;
One feeling too falsely disdain'd
For thee to disdain it;
One hope is too like despair
For prudence to smother;
And pity from thee more dear
Than that from another.
I can give not what men call love:

But wilt thou accept not
The worship the heart lifts above
And the heavens reject not,
The desire of the moth for the star,
Of the night for the morrow,
The devotion to something afar
From the sphere of our sorrow?

P.B.Shelley, TO — , 1821

В переводе В.Д.Меркурьевой:

П.Б.Шелли, К —

Есть слово, — о нем умолчим:
И так оскверняли.
Есть чувство, — не смейся над ним:
И так презирали.
Оставь мне надежду; она —
Отчаянье то же,
Пусть жалость другого дана —
Твоя мне дороже.

Не это любовью зовут,
Но разве служенья
Не примешь? И к небу дойдут
Земные моления:
К звезде мотылька от земли,

И от ночи к сиянию,
Устремление к чему-то вдали,
К сфере, чуждой страданию.

13.

*Of Man's first disobedience, and the fruit
Of that forbidden tree whose mortal taste
Brought death into the World, and all our woe,
With loss of Eden, till one greater Man
Restore us, and regain the blissful seat,
Sing, Heavenly Muse...*

J.Milton, PARADISE LOST, 1667 (Book 1, lines 1–6)

В переводе А.Штейнберга, под ред.С.Шервинского:

Дж.Мильтон, ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ, (книга 1, стр.1–7)

О первом преслушанье, о плоде
Запретном, пагубном, что смерть принес
И все невзгоды наши в этот мир,
Людей лишил Эдема, до поры,
Когда нас Величайший Человек
Восставил, Рай блаженный нам вернул, –
Пой Муза горняя!

14.

Standing on earth, not rapt above the pole,

More safe I sing with mortal voice, unchanged
To hoarse or mute, though fallen on evil days,
On evil days though fallen, and evil tongues;
In darkness, and with dangers compassed round,
And solitude; yet not alone, while thou
Visitest my slumbers nightly, or when morn
Purples the east: still govern thou my song,
Urania, and fit audience find, though few.

J.Milton, PARADISE LOST (Book 7, lines 23–31)

В переводе А.Штейнберга, под ред.С.Шервинского:

Дж.Мильтон, ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ, (книга 7,
стр.31–44)

Здесь, на Земле, и не дерзая взмыть
Над полюсом недвижных звезд, могу
Петь смертным голосом. Я не охрип,
Не онемел, хотя до черных дней,
До черных дней дожить мне довелось.
Я жертва злоречивых языков,
Во мраке прозябаю, средь угроз
Опасных, в одиночестве глухом.
И все же я не вовсе одинок:
Меня ты посещаешь в час ночных
Видений или розовой зарей.
Уrania! Всегда руководи

Моею песней: для нее сыщи
Достойных слушателей, пусть немногих!

15.

Thee, Sion, and the flowery brooks beneath,
That wash thy hallow'd feet, and warbling flow,
Nightly I visit: nor sometimes forget
So were I equall'd with them in renown,
Thy sovran command, that Man should find grace;
Blind Thamyras, and blind Maeonides,
And Tiresias, and Phineus, prophets old:
Then feed on thoughts, that voluntary move
Harmonious numbers; as the wakeful bird
Sings darkling, and in shadiest covert hid
Tunes her nocturnal note.

J.Milton, PARADISE LOST (Book 3)

В переводе Н.И.Гнедича:

Дж.Мильтон, ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ (книга 3)

Что при стопах ее задумчиво журчишь
И светлую лазурь между цветов катишь,
Вас часто с музою, слепец, я посещаю!
О, мужи славные, вас часто призываю
Слепцы, живущие в бессмертных звуках лир,
Тирезий, Хамарис, божественный Омир!
Одним несчастьем я с вами только равен!

Увы! Подобно вам почто и я не славен?
Таким мечтанием дух слабый напитав
И силу новую воображенью дав,
Вселенной чудеса я с музой воспеваю
И огонь души моей в сих песнях изливаю.
Так скромный соловей, в ночной, безмолвный час
Сокрывшись в мрак лесов, лиет свой сладкий глас.

16.

O thou dull god, why liest thou with the vile
In loathsome beds, and leavest the kingly couch
A watch-case or a common 'larum-bell?
Wilt thou upon the high and giddy mast
Seal up the ship-boy's eyes, and rock his brains
In cradle of the rude imperious surge
And in the visitation of the winds,
Who take the ruffian billows by the top,
Curling their monstrous heads and hanging them
With deafening clamour in the slippery clouds,
That, with the hurly, death itself awakes?

W.Shakespeare, KING HENRY IV (part 2 act 3, sc.

1)

В переводе Е.Безруковой: В.Шекспир, ГЕНРИХ IV
(часть 2, акт 3, сц.1)

Божок ленивый, ты приходишь к черни
На грязный одр, а с царственного ложа

Бежишь, как если б сторож колотушкой
Иль колокол набатный гнал тебя.
Зачем над бездной на вершине мачты
Глаза слипаешь незаметно юнге,
Укачивая в колыбели моря,
Когда хватает ураган свирепый
За гребни разъяренные валы,
Чудовищные головы лохматит
И к облакам вздымает с диким ревом,
Который пробудил бы мертвеца?

При подготовке перевода мы пользовались следующими изданиями:

Letters of Sri Aurobindo, (Letters on Poetry), 1949, India, Bombay

Sri Aurobindo, Last Poems, 1952, India, Bombay

Sri Aurobindo, More Poems, 1957, India, Bombay

Sri Aurobindo Birth Centenary Library, v.5, 1971, India, Pondicherry (“Юбилейное издание”)

Sri Aurobindo, Die späten Sonetts, 1980, India, Pondicherry

СОДЕРЖАНИЕ

Внутренний мир.	3
Йог на стремнине	4
Божественный слух	5
Электрон	6
Всеобъемлемость	7
Дух свидетель	8
Странник в ночи	9
Скрытый замысел	10
Бессознательное.	11
Освобождение.	12
Космическое сознание.	13
Пламень золотой	14
Цельность жизни.	15
Блаженство единения	16
Железные владыки.	17
Форма*	18
Бесконечное путешествие.	19
Великий замысел	20
Вселенское воплощение.	21
Божество	22
Каменная богиня	23
Кришна	24
Космический танец (Танец Кришны, танец Шивы).	25
Шива	26
Слово безмолвия	27
Двойственная суть	28
Моя бесконечность.	29

Игра	30
Преданность	31
Божественный труженик	32
Гость	33
Внутренний повелитель	34
Творение*	35
Мечта сверхнауки	36
В битве	37
Ничтожное эго	38
Чудо рождения	39
Мгновения	40
Блаженство Брахмана	41
Загадка человека	42
Тело	43
Освобождение	44
Свет	45
Бесконечность Незримого	46
Открытие себя	47
Дух вселенной	48
Человеческое «я»	49
Вездесущность	50
Фундамент несознания	51
Адвайта	52
Храм на вершине	53
Прекрасносущий Ты и Всеблагой	54
Божественный взор	55
Божественное чувство	56
Бессмертие	57
Человек – тиран противоположностей	58
Эволюция	59
Светлый глас	60

Внутренние просторы	61
Преображение	62
Нирвана	63
Иные земли	64
Контрасты	65
Разумное животное – человек	66
Человек – посредник*	67
Бесконечно малая бесконечность	68
Эволюция	69
Единое «я»	70
Зов невозможного*	71
Открытия науки*	72
Пути Духа*	73
Наука и непостижимое*	74
Я возрожден*	75
ПРИЛОЖЕНИЕ	76
ПОЯСНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА	122

Шри Ауробиндо
А **Сонеты. Мысли о поэзии** / Пер. с английского и
состав. О.В.Сафронова. — М.: Издательство «Литан»,
2004. — 144 с.

ISBN

ЛР №

Подписано в печать. Формат $84 \times 108 \frac{1}{32}$. Гарнитура
«Академическая». Печать офсетная. Объем 4,5 печ.л. Тираж 1000
экз. Заказ №